

Александр Дёмышев

ТИХИЙ ОКЕАН

...лишь называется Тихим

повести и рассказы

18+

Александр Дёмьшев

**Тихий океан... лишь
называется тихим**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Дёмышев А. В.

Тихий океан... лишь называется тихим / А. В. Дёмышев —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Непризнанный знаменосец Победы терпит насмешки, прожигая годы в пропахшей кислятиной забегаловке... Солдат вермахта пытается выжить в советском плену, мучаясь вопросом: «Почему Бог помогает русским?»... Русская красавица-снайпер записывается на фронт добровольцем, превращаясь под скальпелем любящего её хирурга в чудовище... Сумасшедший танцор побеждает банду головорезов, как водится, не без помощи высших сил... Матрос с подорвавшегося тральщика «танцует вальс» с гальваноударной миной посреди океана... Что связывает столь разных персонажей? Вы узнаете, познакомившись с героями сборника повестей и рассказов «Тихий океан ... лишь называется тихим».

© Дёмышев А. В., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

ИВАНЫ И НАЙБАУР	12
УЛЫБКА МЭРИЛИН	19
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Дёмышев

Тихий океан... лишь называется тихим ВСЕМ ЛИ ВИДНО?

На кладбище холодно и пусто. Ни одной живой души, кроме раннего посетителя. Пожилой мужчина, как вкопанный, застыл в сумерках у солидно обустроенной могилы. Мобильник в кармане, робко отыграв мелодию вызова, безнадежно смолк. Холодный декабрьский ветер треплет в сумерках мех капюшона «аляски». Уже девятый час, но длинная зимняя ночь всё тянется, не желая уйти.

Этот пришедший к могиле мужчина – Егор Наумович, известный вятский журналист-литератор, давно обосновавшийся в столице. Что привело его на кладбище провинциального городка, в котором и бывал-то (не считая проездом) всего дважды, в семидесятых ещё годах прошлого века?

У Егора Наумовича болят ноги – устали топтать к могиле. Ноги мёрзнут. «И почему кальсоны не надел?». На толстые стёкла очков летят снежинки, но в предрассветных сумерках всё одно – мало что видно.

Он снимает бесполезные очки. Стоит, закрыв глаза, и вспоминает ту единственную встречу, что произошла лет сорок тому; встречу с человеком, лежащим под плитой. В голове мелькают картинки из далёкого прошлого...

* * *

Июнь 1972-го выдался на редкость жарким. Егор – молодой журналист – коротал время, гуляя по Слободскому. Этот купеческий городок, пыльный и душный, казался парню, очутившемуся здесь впервые, словно выплывшим из дореволюционных времён. Егор по заданию редакции встречался тут с местными ветеранами; блокнот с очерком для областной молодёжки «Комсомольское племя» лежал в спортивной сумке, болтавшейся на плече. Парень гулял перед возвращением в Киров, маясь от жары.

Он шёл тихими улочками, стараясь держаться в тени деревьев. Пялился на старинные причудливые дома. Так и наткнулся взглядом на вывеску, красовавшуюся над облезлым деревянным строением. Поправив очки, прочёл: «Пиво-воды». В горле першило от сухости; Егор, не раздумывая, вошёл в павильон.

Внутри висел кисловатый дурман. Приглушённые голоса сливались в монотонный гул. Очереди, как ни странно, не наблюдались. Мясистая продавщица, не выждав положенного отстоя пены, подала парню две запотевшие кружки. Егор огляделся. За высокими столиками, уставленными стеклотарой и заваленными рыбой чешуёй, расположились компании мужиков. Отыскав местечко за липким столиком рядом с молодыми парнями, журналист жадно присосался к холодной посудине; через пару минут жить стало веселее!

Не обращая внимания на посторонние разговоры, парень думал о своём: как придёт завтра утром к редактору сдавать материал о слобожанах – героях войны (приближалась очередная дата начала Великой Отечественной). А после поручат ему новое задание, и поедет он в какой-нибудь колхоз-леспромхоз, писать об увеличении поголовья рогатого скота и сверхплановых кубометрах деловой древесины. «А так хочется написать репортаж о чём-то большом, стоящем – про первопроходцев БАМа, к примеру, или о героях целины!»

Пустяшный спор, затеянный завсегдагатаями пивной, поначалу мало трогал Егора. Однако развязка спора оказалась весьма неожиданной. Мужики разгорячились, и один из них – высокий и пузатый, как бочонок – в качестве главного довода высказал оппоненту совсем уж странный аргумент:

– Да ты ещё снова расскажи тут, как первым красное знамя над Рейхстагом водрузил! Сказал с издёвкой; взрыв смеха встряхнул павильон. Тот, другой – невысокий, худошавый – кому слова адресовались, покраснел, как-то сник и в раскатах хохота пробормотал:

– А, ну, конечно, опять та же песня... Когда требовалось – жизнью рисковал, как присяга велит. За чужие спины сроду не прятался... Э-эх, обманули меня такие, как вы! Да вам, хохотунам, разве что докажешь?

– Иди-иди, Гришка, зекам своим лапшу на уши вешай! Много сейчас таких «героев» развелось. Сталина на тебя нету!

Все улыбались, притихнув, с интересом ожидая, что дальше случится. А тот, худошавый, сверкнув глазами, вдруг разодрал на себе рубаху. Взорам почтенной публики предстал обнажённый, разрисованный блатными наколками, мускулистый торс. К немалому удивлению, увидел Егор среди прочих татуировок изображение известного здания. «Ба-а, да это Рейхстаг!»

Полуобнажённый мужичок с силой ударил себя в грудь кулаком:

– Не верите! Про Сталина говорите! Да много ли знаете про него?! Ничего, рано или поздно там, – его указательный палец поднялся вверх, – во всём разберутся. Наступит время, когда и мою фамилию услышите по радио в День Победы!

И он ушёл, махнув рукой, в тишине, с влажными от слёз глазами.

Через какое-то время зазвенела посуда, послышались пьяные голоса, полилось из крана пиво – словно ничего и не произошло. Но профессиональное любопытство не давало Егору покоя, он повернулся к стоящим рядом парням:

– Что это было?

– Хе! Дак это... как его? Достопримечательность наша, хе-хе, – лениво отозвались парни. – Гришка-Рейхстаг, прозвище такое! Не слыхал про него? Не местный, что ли?

– Из Кирова я, расскажите.

– Дак чего рассказывать-то? Видел же – зек, сказки всякие сочиняет. Врёт даже, мол, первым знамя Победы над Берлином водрузил! Во даёт! Ровно мы учебников не читали!

Губы Егора скривились, в голове пронеслось: «Что о себе этот урка возомнил?! На святое покушается!»

Шагая часом позже на остановку, повстречал Егор выходящего из булочной редактора местной газетки, с которым общались предыдущие дни. Этот мужчина средних лет всегда носил один и тот же потрёпанный синий костюм. Спешить некуда, и журналисты разговорились о сделанной работе.

– А я тут в местной «таверне» ещё одного ветерана встретил, да какого! – решил пошутить Егор и принялся рассказывать про «фальшивого знаменосца».

Но местный редактор шутливого тона не поддержал; как-то странно вздохнув, заговорил о видах на урожай и погоде.

Новенький оранжевый ЛиАЗ мчал по шоссе. Место у форточки хорошо продувалось, и Егор погрузился в приятные воспоминания о студенческих походах на байдарках. Но странное беспокойное чувство мешало расслабиться. В мыслях он снова и снова возвращался к тому человеку. «Как его? Гришка-Рейхстаг!» Его глаза; его кулак, бьющий в грудь; палец, поднятый вверх и... слёзы. «Ведь не врёт же! Невозможно *так* врать... А может, он просто сумасшедший?»

Автобус уносил Егора всё дальше от Слободского. Вопросы в голове журналиста всё прибывали: «Почему редактор местный так странно отреагировал? Он что-то знает! Что, если вернуться, расспросить? Да нет, ждут в Кирове. Может, удастся специально приехать? Надо попробовать с коллегами поговорить».

Егор, размышляя, протёр очки. Глядел в окно на проносящиеся мимо поля и деревни, жмурясь от яркого солнца...

* * *

Яркое солнце на секунду ослепило молоденького красноармейца и тут же вновь скрылось в копоты и дыму пожарищ. Уши закладывало от доносящегося со всех сторон грохота канонады. По соседним зданиям, с засевающими внутри фашистами, били прямой наводкой гаубицы. Каждый выстрел подбрасывал на месте многотонное орудие, как игрушку. Гаубицы подпрыгивали и грохались на землю, поднимая вокруг тучи пыли; здания напротив них рушились, погребая под собой пулемётчиков Вермахта. С лязгом продирались к центру города по Унтерден-Линден «тридцатьчетвёрки». Из развалин лупили по ним фаустпатронами мальчишки из Гитлерюгенда. Старики-немцы в замызганных пальтишках, подняв руки с повязками Фольксштурма, выползали из подвалов; крихтели, бросая под ноги наших бойцов старинные охотничьи ружья. Воздух пропитался запахом гари и разлагающихся трупов. Так пахла весна 45-го в Берлине.

В тесной комнатке полуразрушенного дома собрались для важного разговора с начальством разведчики 674-го полка. В гости пожаловали их отцы-командиры: полковник Плеходанов с замполитом Субботиным. Недолго поговорив о жите-бытье, Плеходанов перешёл к главному:

– Военный Совет 3-й ударной армии учредил девять знамён для водружения над рейхстагом, по одному на дивизию. Получается соревнование такое. Первых бойцов, водрузивших знамя Победы, представят к званию Героя. Они навсегда войдут в историю, как поставившие точку в этой войне! Понимаете? Нашему полку жребий не выпал, – командир полка вздохнул и, чуть подумав, с жаром продолжил, – но над Рейхстагом первым может оказаться не обязательно флаг Военного Совета! Подыщите подходящий материал – вот вам и знамя!

Командиры простились с разведчиками. Замполит, обернувшись у дверей, бросил:

– Только ставьте флаг так, чтобы все видели, иначе после не докажешь!

Пошарив по опустевшим квартирам, бойцы нашли красную материю. Через часок самодельное знамя было готово...

30 апреля 1945 года. Свист пуль и грохот взрывов. Облака пыли и дым пожарищ. Путь к Рейхстагу лежит через нагромождения и баррикады, через пробоины в стенах и тёмные тоннели метро. За любым углом могут ждать фрицы. Наконец отряд разведчиков выходит к фашистскому логову. Над широкой площадью возвышается Рейхстаг – серое, ошетилившееся пушками и пулемётами здание. Заложённые кирпичом двери и окна первых этажей, закопчённые стены, груды обломков вокруг. Несколько наших атак к тому времени уже захлебнулось. Осмотревшись, выяснив обстановку, лейтенант Сорокин командует:

– По одному, короткими перебежками – вперёд!

Бойцы продвигаются к цели, но под ожесточённым огнём падают один за другим. К стене Рейхстага прорываются лишь двое. Оглядевшись, находят окно, свободное от кирпичей (их выбило взрывом). Бросив внутрь по гранате, заскакивают в здание и коридорами – на второй этаж. Видят окно. Рядовой Булатов, протянув руку на улицу, машет самодельным флагом, и разведчики укрепляют его. Тут же внизу – грохот выстрелов, взрывы гранат. По лестнице кто-то быстро приближается к разведчикам – стук многих сапог всё громче. Разведчики готовы к бою; гранаты и автоматы начеку. Их сердца громко стучат: обидно погибнуть прямо у цели, но долг выполнить нужно! Как же рады они перевести дух, когда видят: это вслед за ними прорвались боевые товарищи, а с ними и лейтенант Сорокин. Подойдя, он жмёт руки и... снимает флаг.

– Отсюда его плохо видно, ребята, – поясняет командир. – Надо пробираться на крышу. Знамя должны видеть все!

По той же лестнице взбираются бойцы вверх. За лейтенантом Сорокиным и рядовым Булатовым следуют их сослуживцы-разведчики: Проваторов, Лысенко, Бреховецкий, Орешко и Почковский. Пара очередей из автоматов по неожиданно выскочившим из-за угла фрицам. Обороняющие нижние этажи Рейхстага солдаты СС ещё не догадываются, что советские разведчики с красным стягом ходят у них над головами. Цель близка; вот и крыша. Где ставить знамя? Решают укрепить его у скульптурной группы. Дружно подсаживают худого курносого вятского паренька Гришу Булатова, и он – самый молодой из разведчиков, ловкий, как кошка, прилаживает флаг к скульптуре. Стрелки трофейных часов лейтенанта Сорокина показывают 14 часов 25 минут.

Гриша смеётся радостно и весело. Он сделал то, к чему стремились тысячи его товарищей. С карниза рейхстага, сквозь свист пуль, доносится до наших солдат его звонкий голос, зовущий к Победе:

– Ну как, всем ли видно?

Воодушевлённые красноармейцы, поднявшись в атаку, лавиной врываются в Рейхстаг, теснят фрицев. Фашисты, озверев, бросаются в отчаянную контратаку и даже отвоёвывают первый этаж; но наши бойцы, закрепившиеся на верхних этажах – хозяева положения. Теперь никакая сила не заставит их уйти отсюда! Вскоре фашистское логово полностью очищено от врага.

Георгий Константинович Жуков, находясь на командном пункте, видит в бинокль трепещущее на ветру над Рейхстагом красное полотнище. У него, человека, в крепости нервов которого навряд ли кто-то усомнится, выступают слёзы. Ведь это и есть тот самый миг Победы, ради которого принесено столько жертв!

Зная, водружённое Григорием Булатовым, реет над поверженным Берлином. А спустя несколько часов к нему начинают добавляться новые и новые красные флаги: каждое соединение желает иметь свой стяг на крыше Рейхстага...

Гриша Булатов, 19-летний мальчишка из Кировской области. Кто ты?

Ты родился в семье рабочих. Когда тебе стукнуло четыре годика, семья переехала в город Слободской. С начала войны ты работал на комбинате «Красный якорь», выпускавшем авиационную фанеру. В 16 лет, получив похоронку на отца, ты пытался попасть добровольцем на фронт, однако получил отказ. В июне 43-го твоё желание исполнилось, тебя призвали в армию, но на фронт ты попал лишь в апреле 1944 года. Ты был автоматчиком в 150-й стрелковой дивизии 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта. Твоё боевое крещение: шесть долгих дней в кровавой мясорубке. Всего двенадцать человек остались тогда в живых из твоей роты. Здесь ты получил главную солдатскую награду – медаль «За отвагу». После этого ты попал в разведвзвод 674-го стрелкового полка под командование лейтенанта Семёна Сорокина. Вскоре после захвата «языка», давшего на допросе ценные сведения, на твоей груди появилась еще одна медаль «За отвагу», а затем – и Орден Славы. Дальше – форсирование реки Одер и штурм Рейхстага.

Григорий Петрович Булатов, рядовой-разведчик, знаменосец Победы. Что ждёт тебя впереди?

Тебя будут фотографировать военные корреспонденты. Документалисты Шнайдеров и Кармен снимут кинохронику задним числом, в которой ты с товарищами повторишь для истории свой подвиг. О тебе и твоих сослуживцах расскажут в газетах, как о славных богатырях, лучших сынах народа, водрузивших знамя Победы над цитаделью гитлеризма, обещая: «Об их выдающемся подвиге напишут книги, сложат песни. Родина никогда не забудет их подвига!» Тебя представят к званию Героя Советского Союза.

Снимки, на которых ты держишь знамя Победы; фотографии, где ты устанавливаешь стяг на карнизе Рейхстага; стоп-кадры, на которых вся группа разведчиков салютует этому собы-

тию из автоматов, облетят вся страну. А кадры кинохроники, где взгляд молодого курносого вятского паренька устремлен куда-то вдаль, покажут в каждом клубе...

Но вскоре в тех же газетах будут другие имена, а в кинохронике покажут другие лица. И медалью Героя наградят не тебя.

Что ждёт тебя впереди?

* * *

...Прошло два с лишним года. Егора вновь послали в Слободской, на сей раз – писать репортаж о тружениках зверохозяйства. Журналист сразу вспомнил то происшествие в пивной и решил воспользоваться случаем, чтобы прояснить давнюю историю. «Может, удастся встретиться с тем человеком, расспросить. Конечно, ситуация невероятная; такой несправедливости в нашей стране быть не может! Просто нужно всё выяснить, чтобы развеять сомнения».

Был август, и вновь стояла жара. «Что у них здесь в Слободском всегда, как в Африке, жарит?» Покончив по-быстрому со зверохозяйством, Егор направился в знакомую пивную. Однако на дверях красовалась корявая вывеска: «Ремонт».

Тогда, найдя телефонную будку, журналист сунул в аппарат двухкопеечную монетку и набрал знакомый номер. Долгие гудки томили душу. Наконец ему ответили. Егор пришёл по указанному адресу; два звонка – и скрипучую дверь открыл его знакомый редактор местной газетки, он был всё в том же потрёпанном синем костюме.

– Меня интересует тот человек, Гришка-Рейхстаг, помните? – начал Егор.

– Умер ваш Гришка в прошлом году. Говорят – повесился.

– Как же так вышло? Расскажите, что знаете.

– Да не знаю я ничего толком, – редактор отвечал неохотно, словно взвешивая каждое слово. – Мало ли у нас всяких выдумщиков.

– Хорошо, скажите тогда: кто знает? – Егор не сдавался, наседал. – К кому обратиться можно?

Помолчав, подумав, редактор ответил:

– Я дам адресок, только не воспринимайте всё, что услышите, всерьёз. И договоримся так: про меня нигде не упоминайте...

Поздно вечером нашёл-таки настырный журналист нужного человека. Не сразу удалось разговорить пожилого ветерана. Но поллитровка на двоих сделала дело, и вот что журналист услышал:

– Мне Григорий лично сто раз всё о себе рассказывал, и я ему верю; да кто воевал у нас – все верят. Ну, так вот, Булатов первым водрузил красный флаг над Рейхстагом; был там с ним казах ещё какой-то, Кошкарбаев фамилия, я запомнил, но знамя Булатов своими руками водружал. Сам маршал Жуков жал потом Гришины руки и обещал: твой подвиг не забудут, солдат! Ну и вот, через пару недель их группу во главе с маршалом вызвали в Кремль. Булатов, ясно, ждал от Сталина золотую звезду Героя Советского Союза. Но не тут-то было. Сталин оставил Булатова для разговора с глазу на глаз. Пожал руку, поздравил, да и говорит: мол, в связи с международной обстановкой нужен ещё один геройский поступок – отказаться от звания Героя. Ты, говорит, один подвиг совершил, теперь соверши и второй: откажись от своего подвига. Временно отказаться нужно, на двадцать лет. Из Кремля Булатова доставили на дачу Берии. В номере за ужином смазливая официантка и давай орать: «Помогите, насильничают!». Охрана из-за двери тут как тут! Очнулся Григорий в камере с уголовниками... Удивляешься?

– Так как же не удивляться? – отвечал Егор. – Невероятное что-то рассказываете!

– Ты дальше слушай! Через пару лет, без суда и следствия выпустили его из тюрьмы; вышел весь в наколках законного вора. И отправился обратно в Германию. Возил там какого-то чина армейского. Демобилизовали в 49-м; вернулся в Слободской. Работал себе на сплаве

древесины. Молчал двадцать лет, как обещал, хоть и Сталин уже давно помер. Когда годы вышли – пытался Гриша всем доказать, что именно он первым водрузил знамя Победы, да безуспешно; не верили ему. А разве нужен властям в качестве символа Победы какой-то «урка с мыльного завода»? То-то и оно! Получил лишь за рассказы свои обидное прозвище «Гришка-Рейхстаг», да новых проблем с законом нажил.

– И что, никаких доказательств теперь не осталось?

– Да как же? Если хорошо покопаться, всегда можно до истины дойти. Когда понял Григорий, что правда уходит, отдал он три толстых тетради своих записей писателю Ардышеву. С писателями-то разными он встречался, да толку что? Доказывал и в горьком КПСС – не помогло. Писал и генералу своему, и Кошкарбаеву писал (он там у себя в Казахстане в начальники выбился). Но поздно – ушёл поезд. Только мы, те, что лично в войне участвовали, ему и верили, да! А прозвище «Гришка-Рейхстаг» приклеилось к нему прочно, навечно. Начальство его не любило, неудобен был. С горя с бутылкой подружился. Да частые визиты гостей в штатском – всё это к добру не вело.

– Что же случилось в конце концов?

– Прошлой весной намылился Григорий в Москву. Парад Победы посмотреть хотел, а может, надеялся с кем-то из ветеранов встретиться? На вокзале столичном милиционер попросил документ, а у того – лишь новая справка об освобождении. Так и не пустили его в Москву, обратно отправили.

– Ну и?

– Вскорости после того и нашли Гришу в петле... До сих пор неизвестно, что тогда произошло. Но я Булатова знал; сам на себя руки наложить он не мог! Да. И вот ещё. В тот день возле дома Гришиного, а после на проходной завода, где он работал, двое подозрительных типов крутились. Не местные, в штатском. Вот и понимаешь, как знаешь...

Егор шёл по душным улицам, не чуя ног. Во рту пересохло, капельки пота струились по вискам. Стояла ясная погода, но перед глазами Егора плыл туман. «Ну, как ко всему этому отнестись? И что мне с этим делать?»

* * *

На кладбище холодно и пусто. Ни одной живой души, кроме раннего посетителя. Пожилой мужчина одиноко мёрзнет у солидно обустроенной могилы.* Декабрьский ветер треплет в сумерках мех капюшона. «Всё же в Слободском не всегда жарко!»

1

Егор Наумович размышляет: мог ли он что-то изменить тогда, в 1972-м? Задержись он на денёк, расспроси подробности... Нет, не стоит себя обманывать, он не был тогда готов воспринять правду. А главное – он не был готов передать правду другим. Руки журналиста дрожат – наверное, от холода. И дрожащим голосом он шепчет:

– Да, Григорий Петрович, Победа вознесла тебя так высоко – на крышу Рейхстага; весь мир лежал под твоими ногами. А жизнь опустила так низко, что под чужие ноги угодила твоя распахнутая, израненная душа. Обнажая душу, ты рассказывал людям о счастливейшем мгновении жизни: как стоял над поверженной Германией, подняв красное знамя Победы. Как кричал, улыбаясь: «Ну как, всем ли видно?»... А тебе не верили... Ты прости мне моё равнодушие; в том числе и по моей вине судьба твоя так сложилась. Всех нас, своих земляков, прости...

¹ Примечание: на это почётное место – прямо у входа на городское кладбище прах героя был торжественно перезахоронен в декабре 2004 года; тогда же отпели Григория с благословения митрополита Вятского и Слободского Хрисанфа как мученика и убиенного. В церемонии погребения участвовали первые лица области; вскоре над могилой выросла памятная стела. Сейчас в центре Кировского парка Победы установлен памятник Булатову в полный рост. В родном же городе Слободском его именем названа кривая и ухабистая – такая же, как и жизнь самого Григория – улочка.

Стрелки на циферблате показывают десятый час. Морозит, и день будет ясным. Выглянувшее из-за елей солнце слепит. Но не только от яркого света слезятся глаза. Егор Наумович трёт их, надевает очки и долго вглядывается в рисунок на памятной стеле. Молоденький курносый солдатик в пилотке на фоне поверженного Рейхстага – и надпись: «Булатов Григорий Петрович 16.11.1925 – 19.04.1973» и чуть ниже: «Вечная слава герою».

Мёрзлые губы шепчут над могилой:

– Да, Гриша, теперь видно всем!

Киров, январь 2015 г.

ИВАНЫ И НАЙБАУР

Сквозь холод и мрак доносится вкрадчивый шёпот:

– Я был хорошим человеком, Вальтер. Думал, женюсь, заведу детей. Не планировал грабить и убивать...

Слабые отблески пламени играют на закопчённых угрюмых лицах, высвечивая щетину на впалых скулах. Двое, окружённые мраком и холодом, склонились к железной печи. В бараке есть и другие, скрытые темнотой. Где-то там, на нарах, кутаясь в лохмотья, таятся ещё шестьдесят пять военнопленных. Эта живая человеческая масса спит и не спит, храпит, пускает газы, стонет, бредит.

– Вот как заговорил: убивать и грабить! – ответное шипение разрезало затхлый воздух; казалось, говоривший выплёвывает слова. – Но я так не считаю. Мы выполняли приказ. И хватит с меня этих покаянных проповедей, Фриц. Или ты всерьёз решил пойти по стопам твоего дяди пастора? Тогда сходи к иванам, поплачься. Глядишь, простят и отпустят тебя к родным пенатам.

– К родным пенатам? Да от нашего отечества скоро не останется камня на камне! Мне страшно, Вальтер. Неужели русские сделают в Германии то, что мы устроили здесь?

Четыре руки, с ногтями, обрамлёнными траурными полосками грязи, почти касались остывающей буржуйки. Из ртов шёл пар.

– Лично я ничего не устраивал; выполнял приказ – и только. Не поддавайся большевистской пропаганде, Фриц, верь фюреру. Ты же не только его земляк, вы с ним в одном звании, а в этом определённо что-то есть! Фюрер остановит проклятых красных. По-другому просто и быть не может.

– Может, Вальтер. И будет! Мы проиграли войну. Знаешь, когда я это понял? Не в Брестской крепости, когда мы впервые столкнулись с отчаянным сопротивлением. И не в Сталинграде, когда попал в окружение, нет. И даже не тогда, когда, будучи в плену, узнал о катастрофе под Курском... Я понял это вчера, Вальтер!

– Вчера?! – в сонных глазах мелькнула искорка удивления. Вальтер внимательнее посмотрел на собеседника. Тот разогнулся, чуть не задев макушкой деревянную балку перекрытия.

– Вчера! Помнишь того русского паренёка? Шутника, что обозвал меня утром свиньёй?

– Ты так гнался за ним! Я думал, конвойный иван тебя пристрелит, да и всем нам не поздоровится...

– Да, война сделала меня психом. Так вот, весь день этот мальчишка не выходил у меня из головы. Точнее, его глаза, такие синие. Знаешь, у моей старшей сестры есть сын Дитрих. Мой племянник и этот русский паренёк – как две капли. И глаза у Дитриха такие же синие...

– Поэтому ты решил, что рейху конец? – уголки губ Вальтера чуть скривились.

– Дитриху сейчас четырнадцать, он учится в школе. Магда – домохозяйка, а её муж Шульц работает на Крупновском металлургическом заводе, поэтому, как нужный специалист, избавлен от прогулки на фронт. Ответь, Вальтер, ты встречал что-то подобное у русских? Этот синеглазый паренёк уже работает – тянет провода связи, его мать наверняка вкалывает на заводе, а отец воюет.

– Да, Фриц, русские мобилизовались лучше, чем мы, – Вальтер исподлобья глядел на высокого собеседника. – Но не забывай: под нами вся Европа!

– А у них – дух. И мотивация у русских с самого начала совсем другая. Наше поражение началось 22 июня 1941 года! Но по-настоящему дошло до меня это только вчера!

– Что ты говоришь?!

Они не заметили, как повысили тон. Из темноты послышались недовольные вздохи и цоканье. Им пришлось замолчать; лишь красноречивые взгляды продолжали беззвучную полемику. Но вскоре Вальтер, не выдержав, продолжил. Фриц еле разобрал чуть слышные слова:

– Что ты говоришь? У тебя короткая память. В 41-ом нам оставался лишь шаг до победы. Если б не проклятая распутица в октябре, мы бы взяли Москву. А потом русским помог генерал Мороз. Да и в 42-ом мы их гнали. Ленинград в блокаде. Северный Кавказ захватили. А Сталинград? Он же был почти в наших руках; оставалось последнее усилие, и мы бы перерезали Волгу.

– И что дальше? – шепнул где-то под потолком Фриц.

– Как что?! Наша победа! – прошипел снизу Вальтер.

– Да неужели? Ты уверен? А что, русские обещали сдаться?

Вальтер молчал, размышляя. Фриц продолжал:

– Они не такие, как остальные. Пойми, правила на них не распространяются. Может, другая нация и сдалась бы... Но я тебе вот что скажу. Мы в Сталинграде один дом брали больше, чем всю Францию. И про «последнее усилие» – всё бред. Захвати мы Москву и Ленинград, Сталинград и Баку – русские не сдались бы! Война не закончилась бы на этом, лишь растянулась. Мы отодвинули бы наше поражение... и только. Ещё, кажется, кайзер Вильгельм предупреждал не замышлять ничего против России!

– Это слова Бисмарка, – пробурчал Вальтер. – Твоя проклятая философия скоро сведёт меня с ума!

С улицы доносилось завывание ветра. Из дальнего угла барака послышался стон, нары зашевелились, и до спорящих долетело из темноты, словно из преисподней:

– Эй, господа министры, закрывайте совещание. Хватит чесать языки, подкиньте лучше дров, я замерзаю.

Топливо сэкономили, но холод действительно щекотал рёбра, требовалось подкинуть... Хлопнула дверца буржуйки, и снизу послышалось:

– Если пустить большевиков в Европу... Ты представляешь, что они натворят?

– Думаешь, смогут нас превзойти? – на этот раз горькая ухмылка коснулась губ Фрица.

– Германия подвыдохлась, но проклятый Черчилль – не дурак. Он остановит красных!

Иначе не только рейху, всей Европе конец.

– Ох, Вальтер! Ты записал англичан к нам в союзники? Я, конечно, понимаю – против Сталина все средства хороши, но... Кажется, твоё дежурство слишком затянулось.

– Ты прав, старина Найбаур! Разве что-то зависит от наших споров? – Вальтер, тяжело кряхтя, разогнулся, но стоя в полный рост, он едва дотягивал до плеча сменщика. – Мой лучший союзник сейчас – доктор Сон, только он избавит меня от русских; правда, лишь до проклятого подъёма!

* * *

Оставшись наедине с буржуйкой, Фриц погрузился в размышления. Он любил эти моменты. Последние годы его круглосуточно окружали десятки людей, что выматывало морально. Лишь ночное дежурство в темноте притихшего барака давало некоторую иллюзию уединения. В эти часы Фриц мог расслабиться и быть собой. Разгребая кочергой угли, думал о том, что если есть на небе Бог, несомненно одно: Он решил столкнуть лбами двух монстров. И Сталин, и Гитлер с Ним явно не дружат.

Большевики – воинствующие атеисты. Наглядные примеры – рядом. За военным заводом, неподалёку от ненавистой траншеи, которую пленные немцы уже вторую неделю долбят в мёрзлой земле, виднеется фундамент разрушенного храма. Кирпич же, оставшийся от него, эти варвары использовали для строительства психбольницы. Чуть дальше, за оврагом в

селе Филейка висится закрытая комиссарями церковь. В начале века в этих совсем глухих в ту пору местах жил отшельником старец Стефан. Божий человек – так назвала его одна местная старушка. Но монастырь, основанный к концу жизни этим человеком, уничтожили жидакоммунисты.

Гитлер тоже хорош! Да, он не рушит храмы. Но очевидно: происходит постепенная подмена ценностей. Веру отцов исподволь вытесняет новая религия – национал-социализм. Даже родной дядя – пастор-лютеранин, преподаватель теологии – кажется, не совсем это понимает. Что говорить о простых смертных?

Сколько же мерзостей я натворил вот этими самыми руками, оправдываясь необходимостью исполнить приказ, следовать установленному порядку? Фриц взглянул на испачканные сажей ладони. До конца дней своих не отмыться! Наверное, стоило оказаться в плену, чтобы это понять!

И неизвестно ещё, какая власть страшней! В СССР всё ясно – ВКП(б) против Бога. «Кто не с нами, тот против нас!» Здесь каждый выбрал свой путь. В Германии – по-другому: там люди сами не заметили, как продали души.

И всё же! Почему Бог помогает русским? На форменных пряжках немецких солдат выбито: «С нами Бог!», но это не так. Ведь русские побеждают, это очевидно!

Один момент! Что, если в душе советского тирана что-то шевельнулось – и там, наверху, это оценили? А в душе Гитлера не шевельнулось ничего! Может, произошло какое-то событие, особо никем не замеченное; какая-то капля, что качнула небесные весы в пользу русских?

От неожиданных мыслей Фриц на мгновение замер, но тут же продолжил выгребать золу на железный совок. Что за идеи?! Так можно додуматься до чего угодно.

Но всё же! Почему Бог помогает русским?

* * *

Под утро Фрица сменили. До подъёма оставалась пара часов, самое время поспать. Но Фриц не мог сомкнуть глаз. На стонущий желудок внимания не обращал, привык. Но вот вновь начинавший ныть зуб покоя не давал. Стало не до философии, хотелось просто вырубиться, забыться.

Когда становилось совсем туго, Фриц старался вспомнить что-то ещё более худшее из прожитого, тогда легче выходило переносить тяжесть настоящего. Этот нехитрый приём он использовал часто. На сей раз Фриц вспомнил первые недели в русском плену. Ничего страшнее этих недель в его жизни не было и, наверное, уже не будет. Веки Фрица опустелись...

2 февраля 1943 года они, чуть живые, лежали, кутаясь в шинели – свои и снятые с мёртвых, в подвале разрушенного дома. Ждали русских, предусмотрительно закрепив над входом белую наволочку. Впервые за долгие месяцы над развороченным городом стояла тишина: ни взрывов, ни криков, ни стрельбы. Несокрушимая «Крепость Сталинград», наречённая так самим фюрером, готовилась капитулировать.

Страх перед пленом давно прошёл, осталась лишь пустота и томительное ожидание. Сколько их было там? Человек шестьдесят, может семьдесят, набившихся в подвал – ошмётки сапёрного батальона знаменитой 16-й танковой дивизии. Их однорукий командир генерал Ганс Хубе, нарушив приказ самого фюрера, отказался покинуть окружённых солдат. Но эсэсовцы личной охраны Гитлера, насильно запихнув в самолёт, вывезли ценного командира из котла. Оставшись без любимого генерала, солдаты скисли.

В полумраке, меж кутающихся в серое тел, поблёскивало железо: множество автоматов, винтовки, пулемётные ленты, миномёты. Всё это могло ещё долго стрелять, убивать, ранить... Когда же явятся русские?

Ближе к полудню с улицы донеслись негромкие звуки шагов. Кто-то спускался по лестнице. Скрипнула дверь, впуская яркий свет и свежий морозный воздух в подzemелье. На пороге материализовалась невысокая фигура. Некоторые подняли головы, вглядываясь в лицо «долгожданного гостя». Молоденький курносый паренёк – лет восемнадцать, не больше: гладкие щёки, не знавшие бритвы; грязная фуфайка и шапка-ушанка; автомат с круглым магазином, беспечно болтающийся за спиной.

Мгновение его глаза привыкали к полумраку. Затем он удивлённо присвистнул и медленно выставил перед собой дуло ППШ. Лязг затвора разрезал подвальную тишину. Чуток подумав как быть, красноармеец покашлял и принялся говорить что-то осипшим голосом по-русски. Затем ушёл, а немецкие солдаты принялись, поднимая каждый своё оружие, медленно выбираться на свет.

Русский автоматчик поджидал их снаружи. Немцы складывали перед ним оружие, вглядываясь в лицо победителя, словно пытаясь увидеть в нём – что их ждёт. А тот улыбался широко; первоначальная робость прошла, и голос его звучал звонко. Он покрикивал на пленных, строя в колонну. Именно тогда Фриц и услышал впервые то самое русское: «Давай-давай!», что будет преследовать его вплоть до 1955 года.

Но тогда он, конечно, не думал, что переживёт Сталина. Вскоре их колонна, словно ручеёк, влилась в полноводную реку из десятков тысяч сдавшихся немцев. Их вели по разрушенным улицам города, ставшего гигантской мышеловкой для лучшей армии Вермахта. На них взирали лики его редких, чудом выживших обитателей. Немцев вели в плен.

А потом начался кошмар наяву.

* * *

Всю ночь их гнали по снежной степи. Фриц затесался в середину колонны, но и там от пронизывающего холодом ветра не находилось спасенья. Время от времени за спиной гремели выстрелы – с отстающими русские не церемонились. Болели промокшие ноги, казалось – эта дорога и эта ночь будут длиться вечно. «Возможно, ад устроен как-то так», – думал Фриц. Иногда одолевало желание остановиться, упасть, чтобы конвоир выстрелом избавил от мучений.

Наконец, совсем обессилев, решил: «Будь, что будет». И когда их вели через очередную погружённую во мрак деревушку, приметив в стороне от дороги открытый сарай, направился прямо к нему. И, о чудо, в темноте конвоиры его не заметили! В сарае пахло сеном. Фриц, рухнув как был, провалился в сон. Когда очнулся – уже светало. С улицы доносился шум движущихся людей, изредка крики на русском, знакомое: «Давай-давай!»

Сон помог, но теперь Фриц чувствовал такой голод, как никогда в жизни. Голод оглушил его, желудок готов был переварить сам себя! Кажется, если бы доски можно было жевать, он сгрыз бы этот сарай. Думая лишь о том, как набить кричащий живот, Фриц перебежками прокрался в дом.

Маленькая комнатка дышала теплом и уютом. Оторвавшись от окна, за которым двигалась бесконечная серая река полулюдей-полутрупов, на Фрица глазели дети. Они были очень похожи – брат и сестра, возрастом лет восьми-девяти. Немая сцена длилась несколько секунд. Фриц, умоляюще глядя на детей, поднёс указательный палец к губам. Затем взгляд приковал к себе стол: открытая банка тушёнки и обломанная краюха хлеба. Убедившись, что дети не закричат, он жестаи стал просить поесть.

Тут за печью тяжело заскрипела пружинами кровать, раздался грубый мужской окрик. Фриц вздрогнул. Чуть вытянув шею, увидел блестящие яловые сапоги. Над ними на гвоздике, вбитом в стену, висела португепя с офицерским планшетом и тяжёлой кобурой. Можно было кинуться, он бы успел схватить револьвер! Но сердце Фрица ушло в пятки, он не мог пошевелиться.

Девчушка (старшая из детей) тут же отозвалась, что-то залепетала, отвечая русскому офицеру, по всей видимости решившему, что зашёл кто-то из подчинённых. Мальчик же лишь хлопал глазами, переводя взгляд с сестры на незваного гостя. Девочка, продолжая непонятный диалог, быстро завернула в газету хлеб и сунула Фрицу. Мальчик, сглотнув слюну, открыл было рот, но увидев кулачок сестры, так и не проронил ни звука.

Когда же девчонка протянула немцу и открытую банку тушёнки, мальчишка молча вцепился в её руки, пытаясь удержать еду. После короткой беззвучной борьбы банка оказалась впихнутой в руки Фрица. Мальчишка, пустив от бессилия слезу, отвернулся к окну. А девочка еле вытолкала ошалевшего немца из комнаты. Последним, что увидел Фриц, покидая дом, был фотопортрет улыбающегося мужчины в военной форме, на которого очень походили эти дети. Угол портрета «украшала» чёрная ленточка.

Вновь очутившись в сарае, Фриц набросился на еду. Пальцы гнулись с трудом. Грязными, трясущимися руками закидывал в рот драгоценные кусочки. Быстро работали челюсти, а глаза стали мокрыми. Знала бы эта девочка, что мои руки по локоть в крови! Может это я убил их отца?!

Как ни был он голоден, а заставил себя остановиться. И половинку хлеба, тщательно завернув, спрятал за пазуху. Еда вернула к жизни, и некоторое время он размышлял, как быть дальше. Уняв дрожь, Фриц выждал, когда очередной проходящий конвоир отвернётся. Выскочив из сарая, влетел в колонну пленных и, как ни в чём ни бывало, продолжил путь в чистилще. Бескрайняя снежная степь простиралась за горизонт. Бежать было просто некуда!

* * *

По пути колонна редела. Кто-то покидал этот мир, так и не осилив сей скорбный путь. Серая река теперь делилась на рукава – колонну то и дело дробили, направляя потоки пленных в разные места. К следующему вечеру Фриц оказался на огороженной территории, кое-как приспособленной под лагерь для пленных. Мороз крепчал. Не покормив, их загнали в огромный холодный сарай, где и заперли.

В сарае они стояли, набившись тесно, как сельди в бочке. Фриц видел: некоторые солдаты плачут, на это было страшно смотреть. Он не замечал, что по его впалым заросшим щекам тоже стекают горькие капли. Так простояли они ночь, день и ещё ночь. Те, что, обессилев, рухнули вниз, уже не поднялись с холодного земляного пола.

Наконец, на второе утро двери сарая распахнулись. Оставшихся в живых развели по баракам. В них было не так холодно, как в сарае. Дали первую за трое суток еду – чуть тёплый овсяный отвар, который Фриц украдкой закусил подаренным девочкой хлебом.

После их долго проверяли. Каждый раз, услышав его имя, русские ухмылялись да похихатывали, переспрашивая: «Что, в самом деле? Настоящий Фриц?» В шутку они величали его Федькой. Его простая фамилия Нойбауэр никак не давалась русским, они прозвали его Найбаур (с ударением на «у»). Прозвище прилипло, вскоре его стали так звать и свои.

На проверке, записывая данные, многократно переспрашивали место рождения, девичью фамилию матери, довоенную должность отца и задавали ещё массу неожиданных, нелепых вопросов. Фриц почему-то решил тогда, что большевикам не следует говорить правду, и стал давать вымышленные показания. Это и сыграло с ним впоследствии злую шутку (если можно так говорить про пять лишних лет, проведённых в плену).

Оказалось, что эти записи, его показания, будут тщательно храниться, следуя за ним все годы плена, куда бы его не перевели. И каждый раз на проверках ему вновь и вновь зададут десятки странных вопросов. Фриц начнёт путаться, забыв, что отвечал когда-то. А комиссары увидят, что он врёт, пытается их одурачить. Фриц станет спорить с ними, ругаться. Комиссары припишут ему какие-то вымышленные преступления (о настоящих, самых гнусных его

преступлениях русские так и не узнают). Когда подойдёт время отправлять немцев восвояси, первыми из плена станут отпускать «честных», репатрируют их к 1950-му году. А совершивших тяжкие преступления и запутавшихся в собственных показаниях продержат в плену много дольше...

Тянулись холодные чёрные дни. Кормили плохо; нет – просто отвратительно! Не потому, что русские желали заморить немцев голодом; просто они и сами голодали. Голодали их дети, их женщины, их старики. А где взять столько драгоценной еды, чтобы прокормить почти сто тысяч пленённых врагов? Раз или два в день давали какую-то бурду то из овса, то из картофельных очистков.

Ежедневно вперёд ногами из лагеря выносили десятки трупов. Смерть всегда была рядом. Обессиленные, обтянутые кожей скелеты сутками лежали на полу барака (ни кроватей, ни нар не было). У некоторых силы иссякли настолько, что они не могли добраться до нужника, так и ходили под себя.

Быстрее других сгнули упитанные ребята из тех, что, даже пребывая в окружении, не потеряли жирка – повара, каптёры, штабисты. В плену, лишившись слишком резко доступа к еде, они сдали прямо на глазах, и никакой накопленный жирок им не помог. А наиболее приспособленными к жесточайшим условиям оказались измождённые боями худые солдаты, которые и до плена на протяжении десяти недель окружения досыта не ели.

Фриц хоть и был из таких закалённых голодом солдат с передовой, но из-за высокого роста приходилось ему туго. Такой рост требовал больше еды, чем обычно. Фриц смог убедить себя, что всё происходящее – расплата за грехи, и стало легче; теперь он знал, что страдает, чтобы очиститься. Всё же ему удалось каким-то чудом дотянуть до весны, а там и солнышко пригрело, и рацион чуть прибавили. В особо тяжкие моменты, чтобы понять, что «бывает и хуже», вспоминал, как после первого ранения отправили его выздоравливать в тыл. Так оказался он сразу после госпиталя в команде, стерегущей пленных красноармейцев...

Шёл ноябрь 1941-го. Тот лагерь под Житомиром представлял собой огороженный колючкой чёрный квадрат посреди припорошенного снегом белого поля. А внутри квадрата – десять тысяч обезумевших от голода и холода иванов. Квадрат был чёрным, так как весь снег внутри периметра съели. Съедены были и трава, и листья. Озверевшие люди насмерть дрались за картофельную ботву. Некоторые сослуживцы Фрица, смеясь, кидали в толпу пленных кукурузный початок, чтобы посмотреть, как эти варвары бьются за добычу.

Но Фрицу такие зрелища были не по душе, и он написал рапорт о переводе на фронт. Разве мог он представить тогда, что спустя год окажется на месте тех иванов?! Фриц в подробностях вспоминал виденное там, под Житомиром, чтобы внушить себе: здесь ещё цветочки, бывает страшнее. Действительно, в сравнении с условиями, в которых содержали русских пленных на том поле под Житомиром, здесь ещё можно было выжить! И он выжил.

После долгих скитаний по лагерям и неудачных попыток комиссаров, сулящих прощение, завербовать его в комитет «Свободная Германия», оказался Фриц в этом провинциальном русском городке, в Кирове. Долгие одиннадцать лет отделяли его от возвращения на родину, но их ещё нужно было прожить.

* * *

До подъёма оставались считанные минуты, зуб ныл сильнее. Перед рассветом – самая темень. Чёрный воздух барака, казалось, застыл от мороза. Холод продирался сквозь лохмотья, длинное тело чуть трясло от озноба. Фрицу казалось: он стал частью этой биомассы, что хрипит, чешется во сне, ворочается на нарах, кутаясь от холода. Перед глазами всё мелькали картинки былого.

Ему казалось, что он упустил что-то важное, какой-то ответ. Ответ...

Наконец, послышалась громкая команда, и мрачный барак зашевелился. Снаружи уже доносились окрики, ненавистное: «Давай-давай!» Только Фриц не двинулся с места, он лежал, уставившись в потолок. После бессонной ночи пребывал как в бреду, не понимая толком, где находится: на том свете или на этом...

Вот перед его глазами красноармеец, один из тысяч пленных русских. Он за колючей проволокой; умоляюще смотрит, как надзиратель Фриц уплетает толстый бутерброд с сыром. Этот иван жестами показывает, что хочет есть, но Фриц остаётся невозмутимо-безучастным. Ефрейтор Нойбауэр не издевается над пленными, но и помогать им запрещено. Таков порядок!

Вот перед его глазами русская девочка, нарушившая порядок. Она протягивает хлеб обезумевшему от голода, холода и страха Фридриху Нойбауэру.

Русская девочка, спасающая немецкую жизнь.

Петрозаводск, июль 2015 г.

УЛЫБКА МЭРИЛИН

В кабине жарко и... просто невыносимо противно. Баранку крутит Игнатъич – мятый, средних лет мужичок с физиономией кислой, как квашеная капуста. По масленому лицу струится липкий пот. Во рту гадко, словно курицы помёта наложили.

Да, КраЗ-лесовоз – не самая комфортабельная машина для езды по кочкам просёлочных дорог. Особенно если едет без груза (тогда его мотает во все стороны на каждом ухабе). Особенно если шофёр – с большого бодуна (а так оно и есть).

Каждое движение болью пронзает одурманенный мозг, и белый свет не мил. Даже родинка на щёчке Мэрилин Монро, что соблазнительно улыбается с цветной картинки, приколотой к козырьку – не мила. Игнатъич хочет быстрее добраться до леспромхоза, чтоб «поправить здоровьице», но страшно гнать – трясутся и руки, и ноги. Это похмелье...

Марево жаркого дня витает в воздухе. Весна семьдесят пятого. Забайкалье. Мохнатые сопки обрамляют зеленеющую молодой травкой долину. В безоблачном небе повисло, словно пришпиленное, солнце. А там внизу, в долине – пыльный посёлок, районный центр Сопатовка. Облезлые панельные двухэтажки с тёмными пустыми глазницами окон, обшарпанный частный сектор с помойкой по соседству. И храм, страшный храм с дырявой ржавой маковкой без креста; с тёмными от сажи стенами; с распахнутыми настежь воротами, пробитыми в стене прямо в алтарь, где устроен склад удобрений.

Сверху, с сопки видно, как по грунтовой дороге, ведущей из Сопатовки в сторону ближайшей деревушки, тархтя мотором, катит юркий ГАЗ-69 защитного цвета. Машинка, словно оправдывая своё народное прозвище «козлик», изредка подпрыгивает на кочках, трясёт брезентовой крышей. Пройденный путь её отмечен длинным облаком пыли. Впереди темнеет одинокая фигурка женщины, бредущей в том же направлении, что и авто.

ГАЗик пролетел мимо, и фигурку окутало жёлто-серой пеленой. Слабо скрипнули тормоза, и машина сдала задним ходом прямо в пыльное облако. Они пристально посмотрели друг другу в глаза – две женщины. Та, что за рулём – совсем молоденькая, с ярко накрашенными губами, златокудрая, словно сошедшая с экрана американская кинозвезда – предложила:

– Садитесь, Варвара Петровна, подброшу вас.

– Нет-нет, Фрося, ты езжай, езжай, – ответила, опустив глаза, старшая. – А я прогуляюсь по свежему-то воздуху. Погода такая – прям хорошая.

Пыль медленно оседала на цветастый платок, прикрывший тёмные волосы. На красивое, несмотря на следы давнишнего ожога, немолодое лицо. На четыре медали, красовавшиеся на впалой груди старшей женщины.

Молодая, та, что Фрося, бросила выразительный взгляд на оттянутую внушительной авоськой правую руку Варвары Петровны (левый её рукав – пустой – был аккуратно заправлен в карман пиджака).

– Садитесь же, говорю вам! Такую ношу тащите! Да и разговор есть, пора нам всё же поговорить.

Спрыгнув из машины, Фрося двумя руками вцепилась в тяжёлую авоську и с трудом закинула её на заднее сиденье. Тёмная женщина смахнула со лба освободившейся рукой маленькие капельки пота, тяжело вздохнула, и, повинувшись напору молодухи, медленно уселась рядом с сумкой.

В эту минуту прогромычал мимо них серой громадиной КраЗ-лесовоз, пустой прицеп которого шатало на кочках, как пьяного в подворотне. Обдав пылью, свернул он на леспромхозную дорогу и скрылся за выступом сопки.

Тронулся и ГАЗик. Ехали молча. К рокоту двигателя лишь изредка примешивался скрип сидений. Фрося обнаружила в треснутом зеркале заднего вида внимательный взгляд пассажирки. Но Варвара Петровна вновь опустила глаза, как наяву стояла перед ней картинка:

Вот едет она в этой самой машине, на этом же месте, но впереди – прикрытый слегка распушившейся норковой шапкой затылок представительного мужчины. Мужчина дымит сигаретой в открытое окошко. Морозный ветер, смешанный с табачным дымом, врываясь в салон, прикасается влажными снежинками к лицу. Солидный мужчина, уверенно руля, часто оборачивается, что-то рассказывает забавное, заставляет Варвару Петровну на минуту позабыть обо всём на свете и смеяться, смеяться... А потом Варвара Петровна ловит мужской взгляд, словно ощутивший её пышную грудь, подчёркнутую облегающим пальто. Её щёки краснеют, она знает, что след ожога на лице остаётся в такие минуты почти белым, отчего сильнее выделяется. Но это не сильно заботит, главное – она чувствует трепет в душе, то сладкое, почти забытое чувство...

Вскоре ГАЗик затормозил у большого деревянного дома, послышался жалобный собачий вой.

– Ох-ох! Шарик, чего ты? Никак, с утра без воды собака на цепи сидит! Жарко тебе, Шарик. Сейчас, сейчас.

Женщины пошли к дому, их взорам предстали добротные некрашенные, чёрные от времени стены, лишённые каких-либо украшений. Лишь строгая простота. Входную дверь снаружи подпирала палка – в дальних деревнях сей знак показывает: хозяева ушли, в доме нет никого. Женщины застыли у калитки.

– Могу я вам пару вопросов задать? – поинтересовалась Фрося. Она работала пионервожатой в поселковой средней школе и собиралась этим летом поступать на факультет журналистики.

– Да ведь сказала уж всё в школе, – ответила Варвара Петровна. Это утро провела она, выступая перед учениками вместе с другими ветеранами на торжественном собрании, посвящённом приближающемуся тридцатилетию Победы.

Собачий вой стал требовательней, перешёл в визг.

– Я по личному делу.

– Что ж... – женщина опять тяжело вздохнула, открывая дверь перед настырной гостьей. Они оказались в просторных сенях.

– Проходи, Фрося, я сейчас, – Варвара Петровна зачерпнула ковшом воду из сорокалитровой фляги, стоящей в углу, и заспешила поить пса.

Хлопнула дверь, и сени погрузились в темноту. Глаза ещё не обвыклись со свету, первые секунды Фрося ничего не могла различить. Наконец зрение стало налаживаться. Вот очертания скамьи, если пройти вдоль неё, можно будет нащупать дверную ручку. Собачий визг с улицы прекратился, значит, пьёт Шарик. Фрося двинулась вперёд, ведя рукой по деревянной стене. Вдруг рука наткнулась на что-то холодное, стальное, торчащее. Фрося вздрогнула, в этот момент Варвара Петровна отворила дверь, пуская свет в сени. Фрося обомлела, её глаза сильнее раскрылись от удивления и страха. Остолбнев, рассматривала она находку – воткнутый в стену нож. Большой, мощный, покрытый тёмно-багровыми запёкшимися подтёками. Кровь! У основания лезвия виднелась выбитая маркировка – иностранные буквы. Сзади неслышно подошла хозяйка.

– Да что ты, Фрось, испугалась? Муж вчера свинью резал, хвора была, пришлось раньше времени. А это штык-нож немецкий, мужнин трофей фронтовой. Уж, почитай, тридцать годов этим самым штык-ножом скотину режет, традиция у него такая.

– А? А-а-а! Я так и подумала, – ошалело ответила Фрося.

– Что же он штык-то не убрал? – вслух размышляла хозяйка. – Странно, всегда его в чистоте держит, а тут...

Недовольно скрипнули под ногами широкие половицы. Подняв равнодушную мордочку, пушистый бело-рыжий кот Барсик проводил их взглядом на кухню, пахнущую котлетами и вчерашним борщом. Фрося взглянула на чуть испачканную кровью руку, и женщины мимо белёной печи прошли к умывальнику. Затем гостью внимательно наблюдала, как хозяйка умелючи, одной рукой тщательно отмывает трофейный штык-нож.

– А вы никогда не думали протез поставить?

– Был у меня, да неудобно с ним: болтается, мешает.

Звеня медалями, скинула Варвара Петровна пиджак и ловко водрузила на спинку стула. Оставшись в сиреновой блузе, выглядела она совсем... нескладной. Фросе мозолил глаза торчащий из левого плеча хозяйки обрубок и её неестественно впалая грудь (точнее, её отсутствие). Смахнув с клетчатой клеёнки единственную случайную крошку, выставила Варвара Петровна на стол пряники и малиновое варенье в стеклянной баночке. Вскоре задрезжал на плитке чайник.

Неловкое молчание затягивалось. Пора было с чего-то начинать.

– Вы сегодня в школе много интересного о войне рассказывали: как снайпером были, а после ранения медсестрой, – Фрося прокашлялась и продолжила. – Много фрицев убили?

– Довольно много, не считала. Зачем тебе? – взгляд хозяйки невольно отыскал маленькую берестяную шкатулку на полке серванта, в которой лежала заветная серая верёвочка с множеством узелков.

– Да это я так, к слову, да... А как вы на фронте с Гилем Давыдычем познакомились, так и не обмолвились.

– Давидовичем, – поправила хозяйка. – Там ничего интересного. Как все – так и мы. Служили вместе в прифронтовом госпитале – и познакомились.

– А выйти за него почему решились? Он ведь намного старше вас; кажется, лет на двадцать! Неужто на фронте более молодых и достойных не нашлось?

– Бестактный вопрос, но отвечу. Молодых там много было, правда. А достойных...

Варвара Петровна поставила вскипевший эмалированный чайник на узорчатую прихватку, лежащую на столе, но стаканы так и остались пустыми.

– У вас нет детей. Почему? В муже причина?

Хозяйка, потупившись, молчала. Фрося, в упор глядя на собеседницу, продолжила:

– А с моим отцом у вас насколько далеко зашло?

Именно этот вопрос Варвара Петровна больше всего не желала услышать. И вновь её глаза виновато пошли вниз. Помолчав, всё же попыталась ответить.

– Твой отец был замечательным человеком, честным. Его весь район уважал. И преступность почти искоренил, хорошим прокурором был. Жаль, что так получилось, ему бы ещё жить да жить! Но Гиль не виноват, в медицине всякое случается, не все операции оканчиваются успешно.

– Про вашего мужа чуть позже поговорим, надеюсь, успеем до его возвращения. Я про *другое* спрашиваю. Насколько далеко зашли ваши отношения с моим папой?

– А ты напористая, Фрося, в отца, характер его, точно, – Варвара Петровна вздохнула, приложила ладонь к глазам и выпалила, – да не было у нас ничего! Что я, не понимаю? Я ж замужем, что ты!

– Ну, в *этом* смысле, может, и не было, верно. Но я про *другое*. Отец испытывал к вам симпатию, это ж все видели, и вам, наверное, приятно было, и вы, наверное, как-то отвечали ему... Так?

– Так, да не так. Да, обращал он внимание на меня. И приятно мне было. Но лишнего я не позволяла. Что я, не понимаю? – повторила женщина, взволнованно теребя салфетку. – Да ты подумай, Фрося, я инвалид, хорошо – муж есть, а хоть если б и не было. Твой отец – человек

увлекающийся; вон за ним сколько женщин бегало, отношения наши долго не продлились бы, не стоило и начинать... Я и не начинала. Что я, не понимаю?

– Да я про *другое*, – попыталась вклиниться Фрося. Но Варвару Петровну как прорвало:

– И что ты к *этой* привязалась? Отец твой – взрослый человек был, свободный, здоровье в порядке. Ты прости, конечно, но мама твоя давно от вас уехала. А мужчины, они такие, им *это* нужно, ничего тут не попишешь, устроены они так.

– Да что вы, в самом деле? Не осуждаю я ни вас, ни отца. Я же про *другое* говорю, – Фрося поправила сбившийся на гладкий лоб локон. – Дело тут вот в чём. Может, у вас и не было ничего *такого*, но слухи в посёлке ходили; сами, небось, знаете. Могло всё это и до Гиля Давыдыча, ну, Давидовича дойти. Да и дошло, наверное, как думаете?

Кончики пальцев Варвары Петровны чуть дрожали, она вспоминала:

Морозный вечер. Раскрасневшаяся и взволнованная, входит она в дом чуть позже обычного. Муж встречает тяжёлым взглядом: «А ты, Варя, опять за старое? Задницей теперь перед прокурором виляешь? Ладно! А, впрочем, нет, не задницей, знаю я, почему на тебя мужики пялятся... Думал слухи про вас, ан нет, сегодня сам видел, как вы по району гуляете. По взглядам вашим всё понял... Зачем ты так? Отступись!»

От воспоминаний этих стало дурно, заняло сердце, но вслух она сказала:

– Да, доходили до Гиля всякие сплетни, но я ему всё объяснила, понял он, – голос Варвары Петровны звучал неуверенно, скользко.

– А не мог ваш муж из ревности...

В этот момент из комнаты, отделённой от кухни печью, послышался лёгкий шорох. Женщины смолкли, вслушивались, гадая – показалось, или нет. Снова шорох! В установившейся тишине, широко размахивая маятником, громко тикали деревянные настенные часы с замысловатыми резными узорами. Минутная стрелка передвинулась ровно вверх, и тут же распахнулась, словно выстрелила, маленькая дверка, выпуская на волю деревянную птичку. Фрося вздрогнула. «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» Опять шорох, и из-за печки, важно подняв хвост, вышел на променады кот Барсик. Женщины выдохнули.

– Варвара Петровна, ещё один бестактный вопрос, – Фрося понизила голос. – Что поделать, не из праздного любопытства интересуюсь. Так вот, почему вы решили, что муж будет удалять вам грудь, не лучше ли доверять такое деликатное дело постороннему человеку? Нашли бы другого хирурга.

– А зачем? У Гиля Давидовича опыт ого-го.

– Кто вам диагноз ставил? Муж?

Варвара Петровна молчала. Фрося, чуть повышая интонации, продолжила:

– Вы обращались по поводу рака груди к специалистам? К кому-нибудь кроме мужа?

– Да говорю же, он очень опытный врач, Фрося! Но, конечно, мы перепроверили диагноз, возили снимки рентгеновские в Читу.

– Кто возил?

– Гиль, – выдохнула Варвара Петровна.

– К каким именно специалистам возил? – не унималась Фрося.

– Не помню, два года прошло, да и не интересовалась я. Да хватит уже, уходи, Ефросиния. Уходи! – Варвару Петровну трясло, как при ознобе.

– Онкология – не шутка! Там же обязательна биопсия и последующее лечение. Вам анализ вообще делали? Это ведь не так вот запросто: рентген и сразу под нож!

– Про-ва-ли-вай, – на щеках хозяйки блестели крупные слезинки, в волнении она поднялась. Последовавшая её примеру Фрося уже почти кричала:

– Вы знаете, Гиль Давидович оперировал моего отца, и тот умер во время операции. Можно сказать, ваш муж его **зарезал!** Так вот, вскрытие показало, что особой необходимости в операции не было! Ваш муж убедил его оперироваться, а потом...

– У-би-рай-ся! – шипела хозяйка, выталкивая единственной рукой надоевшую гостью. Но та, вцепившись в косяки, задержалась в дверях.

– Я уйду, Варвара Петровна, но вначале задам последний вопрос. Ответьте на него честно сами себе. Пожалуйста! Ответив, вы, возможно, многое поймёте!

Натиск Варвары Петровны чуть ослаб, а Фрося продолжала:

– Один вопрос, и я уйду! Не мне нужен ответ, вам!

Сильная рука хозяйки обмякла, опустилась.

– Что ж, спрашивай...

* * *

– Вот, мама, знакомьтесь, – широкоскулый, короткостриженный, высокий парень с комсомольским значком на груди смущённо улыбался. – Это Варя.

Из-за его плеча выглянула ещё более смущённая, укутанная шалью девушка. Протянув ошарашенной маме ладошку, молвила тихонько:

– Очень приятно. Здравсьте.

– Ну, здравсьте, – мама парня не знала, что и сказать, долго смотрела на протянутую белую ладошку, затем сообразив, пожала её. – Что ж, проходите, Варя, поужинайте с нами. Егор, что ж ты? Веди гостью к столу.

Молодые уселись на массивную лавку у тёплой печки, их взгляды переплелись, и, кажется, они ничего больше не видели. Не замечали и маминых причитаний, когда та суетилась, раскладывая по тарелкам макароны:

– Вот, не обессудьте. Что ж, как говорится, чем богаты... Сами понимаете, время-то какое... Война!

У Вари был отменный аппетит, она еле сдерживала себя за столом: ещё бы, в бараках тогда все голодали. С фотографии, прибитой к стене, взирал на них глава семьи – отец Егора, ушедший на фронт...

Она прибыла в Киров в сентябре 1941-го. Варю, вчерашнюю школьницу, вместе с другими эвакуированными отправили за город. Там, возле деревень, приютившихся между Вяткой-рекой и лесом, возводился военный завод. Местность та называлась Филейка. А возводимый завод должен был как можно скорее начать выпуск оборудования для самолётов фронтовой авиации.

Длинные наспех сколоченные бараки тянулись вдоль ухабистой дорожки, именуемой Филейским шоссе. В бараке – по четыре комнаты, в каждой – буржуйка и нары в два яруса на семьдесят человек. Сказать, что кормили плохо – значит, ничего не сказать. Хватало и бытовых трудностей – где подмыться, как постираться; даже в туалет сходить при такой скученности – проблема. Но главное – голод, он затмил собой всё. Живот стонал постоянно. Жидкая похлёбка в заводской столовке не насыщала, а хлебные карточки всегда проедались слишком быстро.

Работа тяжёлая, совсем не женская: копали они бригадой траншеи под фундамент. Долбили землю, кидали лопатами и таскали носилками с утра до вечера; так, что руки отваливались. Варя осунулась, похудела. Даже её не по годам крупная девичья грудь словно сжалась, хоть и осталась такой же упругой. Личико же, заострившись, пожалуй, даже похорошело. В другое время это личико с алыми губками, гладкой белой кожей и бездонными тёмными глазами будоражило бы сердца заводских парней. Но голод и изнуряющая работа – не лучшие союзники амурных дел.

Запал на Варю лишь Егор, местный комсомольский вожак. Жил он после того, как отца забрали на войну, вдвоём с мамой. Егор был единственным ребёнком в семье, что в то время являлось большой редкостью. Молодые как-то быстро сошлись, и дела Вари пошли на поправку. Семья Егора, как почти все местные, держала корову, курей; имелись и запасы ово-

щей с огорода. Так что взял Егор шефство над бедной переселенкой, подкармливал её. А когда стукнуло той восемнадцать – с мамой познакомил, невестой назвал; начал и в гости, и в баньку приводить, чтобы девушка могла как следует вымыться да постираться.

Варе завидовали в бараке, шушукались за спиной. Ещё бы, такого жениха завидного отхватила! Само собой, сплетничали девки, что за продукты с парнем встречается, и ещё всякую дурь распускали. Поэтому так не терпелось Варе поскорее выскочить замуж да свалить из вонючего барака, забыть эти двухэтажные нары навсегда...

Влажный воздух бани теплом окутал заскочившего с морозца Егора. Варя, в одной лишь сырой рубашке, достирывала шмотки. Парень, приблизившись, пытался отвести взгляд от облепленной мокрой сорочкой девичьей груди. Вдруг, глянув на Варину шею, оторопел.

– Что это у тебя? – глаза Егора слегка округлились.

– Да это так, бабушка на память подарила, – Варина рука судорожно заправила серую верёвочку за ворот.

– Вот те раз! Только не говори, что верующая! Подумать только, невеста комсомольского вожака крестик носит!

– Так это же так, память о бабушке. Да и не заметит никто!

– Заметит. Я уже заметил. Так. А ну-ка, снимай его. Давай-давай, живо!

Пожав плечами, Варя виновато смотрела на жениха. Наконец она дрогнула и руки потянулись к шее, чтобы снять верёвочку с крестиком...

Вскоре по протекции жениха устроилась Варя на более лёгкий труд: взял её работать на коммутатор начальник заводской телефонной станции Василий Климук. Целыми днями соединяла она абонентов заводской телефонной сети, ловко перетыкая провода чуть огрубевшими от лопаты, но всё же изящными ручками. На новой работе Варя быстро расцвела, и многие почитали её первой филейской красавицей. Всё чаще ловила девушка мужские взгляды – то скромные, застенчивые, а то и бесстыжие вовсе. Но лишь для Егорушки было место в её сердечке.

Жизнь, казалось, наладилась – как вдруг пришла Егору повестка. Забрали парня на фронт. Сгоряча пошла Варя в военкомат писать заявление – просилась добровольцем. Но девушку лишь направили на курсы ВСЕВОБУЧа, а далее – в школу снайперов.

После ухода Егора прошёл месяц-другой, и Варя содрогнулась, поймав себя на неприличных (как ей тогда казалось) мыслях. Думала она о своём начальнике, о Климуке. Василий Климук, прибывший в Киров с Украины, мужчина взрослый, видный, шутник и балагур – был, пожалуй, единственным представителем сильного пола, не обращавшим на Варю ровным счётом никакого внимания. Это-то её и цепляло. Поначалу гнала она, как могла, из головы пошленькие мыслишки, но время шло. Егор где-то далеко, а Василий – вот он, рядом. «Да, за таким мужиком была б я как за каменной стеной: и весёлый, и пробивной, и в обиду не даст!»

На коммутаторе работала Варя в паре с пожилой скучной женщиной, но поразвлекчь красотку на телефонке было кому. Целая ватага пацанят-связистов трудилась под началом Василия Климука. Варе нравилось подшучивать над ребятами, особенно – видеть, как смущаются от её красоты мальчишки.

Варя чуть отвлеклась от работы, глянув в сторону скрипнувшей двери. В комнатку робко, бочком протиснулись двое.

– Здравствуйте, – негромко молвил бригадир связистов шестнадцатилетний Сенька Криницын, самый старший и опытный монтер заводской телефонки. Он исподволь залюбовался девушкой; та работала увлечённо. Не сводя с неё глаз, Сеня обратился к своему спутнику, продолжая начатый ранее рассказ:

– Вот глянь, это и есть тот самый коммутатор, аж на сто номеров!

Варя, воткнув провод, соединила очередных абонентов и положила на рычажки трубку. Её сердечко весело прыгало, она понимала, что Сеня пришёл сюда не столько чудо техники

показывать, сколько на неё поглазеть. Девушка обернулась, и весёлая улыбка осветила её личико. Рядом с Сеней (которого Варя, несмотря на бригадирство, считала салажонком) стоял какой-то шкет, метр с кепкой, на вид от силы лет тринадцать, больше не дашь.

Шкет еле оторвал восхищённый взгляд от коммутатора – аппарата размером со шкаф, со множеством тумблеров и, увидев Варю, потупился, покраснел. Сеня представил новенького:

– Это Витёк. В моей бригаде новичок стало быть. Хозяйство ему показываю.

Варя ласково взглянула на Витьку, и, улыбнувшись, чудным голосом сказала, как пропела:

– О, какого хлопца к нам приняли, теперь работа пойдёт!

Варина напарница (женщина пожилая, строгая) недовольно закричала. А у Витьки в душе соловьи запели...

Варе нравилось подтрунивать над мальчишками, особенно над этим новеньким, самым малым из бригады. С того самого дня как встретит Витьку, засмеётся:

– Подрастай, паренёк, скорей – будешь лучшим женихом. А глаза-то какие! Голубые-голубые, всех девок с ума сведут! Только очень уж ты маленький, вырастай поскорей. Эх, не обещалась бы моему Егорушке ждать, вот из-за этих синих глаз с тобой любовь бы закрутила!

Видела Варя, что шутки эти и смущают, и радуют Витьку – и не знает паренёк, что на них ответить. Климук же, периодически заигрывавший на глазах девушки то с одной тёткой, то с другой, оставался для Вариных чар неприступен, словно чахловицкий истукан.

Варя успела позабыть о давно написанном заявлении, но военкомат помнил. Осенью 1943-го держала Варя в похолодевших руках повестку на фронт. «Что ж, повоюем, – храбрилась девушка. – Жаль лишь... Эх, Климук-Климук, дубина ты такая, не понял, что мог быть счастлив со мной...» Впрочем, оставался ещё последний шанс. В заводском клубе намечался концерт самодеятельности, там начальник телефонки, заведовавший ещё и киноаппаратом, обязательно будет. «Вот и посмотрим, Василий, кто кого!»

В тот вечер Климук был в ударе. Перед показом кинохроники на глазах переполненного зала он один раскидал троих вздумавших хулиганить ухарей и выставил их за дверь. Варино сердечко билось часто. «Сегодня или никогда!»

После повеселившего всех концерта заводской самодеятельности и победоносной кинохроники, показанной на широкой простыне, объявили антракт, чтоб освободить зал от стульев. Наконец Климук завёл клубный патефон. Варя рассмеялась, увидев Витьку, вернувшегося с другими ребятами с перекура. Тот, как заворожённый, наблюдал за иглой, скользящей по крутящейся пластинке. «Наверное, в первый раз мальчишка патефон видит!» Из трубы доносилась невероятно-приятная довоенная мелодия, и певец мягким голосом мурлыкал:

Сердце, тебе не хочется покоя!

Сердце, как хорошо на свете жить!

Сердце, как хорошо, что ты такое!

Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!

По залу под музыку закружили пары. Женщин в клубе было гораздо больше. Да и сильный пол представляли по понятной причине, в основном, мальчишки да старики. А мужик в расцвете сил был тогда в тылу в дефиците. Поэтому и состояло большинство танцующих пар лишь только из женщин.

Климук озирался, ища глазами кого-то. Без сомнения из здешних кавалеров он – самый видный. Ну, а Варя – из дам. «Кажется, он меня высматривает; знает же, гад такой, про повестку!» Варя, выбравшись из толпы, направилась ко Климuku, но тот искал не её. Увидав крепко сбитую розовощёкую женщину из бухгалтерии, заулыбался широко и озорно; да и та сразу расцвела, обрадовалась, принимая его приглашение.

Варю словно токомшибануло. Но самообладания ей было не занимать. Тут же на ходу заприметила она спину Витьки, пробиравшегося к выходу. Догнала паренька и крепко схватила за руку сзади, мальчишка даже вздрогнул, обернулся – и от неожиданности обомлел. Варины глаза блестели застывшими в них слезами, но она бодро улыбнулась:

– Ну что, кавалер, пригласишь на танец – или мне самой тебя пригласить?

Витька молчал в нерешительности, словно язык проглотил.

– Воды, что ли, в рот набрал? Уж и песня скоро кончится, – с этими словами Варя положила Витькину руку на свою стройную талию, а её нежная ручка легла на мальчишеское плечо.

Видно было, что до этого Витька никогда не танцевал вальс; он и понятия не имел, что нужно делать, и страшно смущался. К тому же, хоть первая филейская красавица не являлась, конечно, дылдой, но тринадцатилетний мальчуган из-за малого роста едва доставал макушкой ей до плеча. Варя вела Витьку в этом танце. И хоть осторожничала, но мальчишка умудрился наступить даме на ногу пару раз. Девушка сделала вид, что не заметила, а Витька покраснел, как рак. И тогда Варя, которая была старше мальчишки на целых пять лет, стало так его жалко! Она крепко обняла паренька, прижала к себе. Витькина щека упёрлась в нежную упругую девичью грудь. Словно шаровая молния запрыгала в голове мальчугана. Он хотел отстраниться, но не в силах был это сделать; словно прилип.

– Витька, эх, Витька, – бормотала Варя и, кажется, впервые она говорила с ним серьёзно. – Я ведь повестку получила, на фронт ухожу. Так давно заявление писала... ВСЕ-ВОБУЧ и курсы снайперов окончила... А теперь и не знаю, смогу ли там...

Витькины мысли кружились где-то далеко в облаках, но до него всё же дошло, что нужно что-то ответить.

– Повезло вам, Варя, – промямлил паренёк, оторвавшись, наконец, от лакомого кусочка и глядя на девушку снизу вверх. – Я бы тоже на фронт пошёл, немцев бить.

Девушка недовольно сморщила носик:

– Терпеть не могу запах табака! Хотя бы ты курить бросил, Вить. Смотри, курить будешь – не вырастешь. И глаза у тебя вон какие голубые – как небо в погожий день. А если курить не бросишь – потемнеют!

С этими словами чмокнула красавица мальчишку в лоб. Весело рассмеялась и под звуки неожиданно заигравшей плясовую гармошки упорхнула к своим подружкам. Климук, возящийся с патефоном, проводил её взглядом. Варя заметила этот взгляд.

Выйдя из клуба в осенние сумерки, она увидела его. Большой, сильный, мужественный, со своей неизменной улыбочкой, он ждал её, именно её. Варя это сразу почувствовала.

– Позволит ли панночка до хаты сопроводить? – Климук, прикуривая, осветил довольное лицо, – Впрочем, если панночка не очень спешит, можем и прогуляться...

* * *

Бах! Бах! Ба-бах! Варя, зажав уши, что есть мочи вжималась в ледяную землю. Она старалась вращать в дно окопа, раствориться под землёй. Взрывы трясли блиндаж – и девушку трясло вместе с ним. Воздух вокруг, свистя, пронзали тысячи смертоносных осколков. Варина рука, протянувшись под шинель к внутреннему карману гимнастёрки, с трудом нащупала спрятанный бабушкин крестик. Мёрзлые комья падали и рядом, и на девушку. В нескольких метрах от неё стонал раненый; кажется, ему оказывали помощь. Никакая сила не заставила бы Варю в этот миг поднять голову.

Впервые оказалась она под немецкими бомбами, и трясло её не столько от взрывов, сколько от пронзившего всё её существо до кончиков пальцев дикого ужаса. Сумасшедшая бомбёжка длилась всё утро, потом интенсивность заметно спала, но Варя этого не заметила. Наконец где-то за полковым штабом ухнул последний взрыв, и над окопами повисла непри-

вычная тишина. Вскоре стоны стали слышнее, звучали команды, топот ног, какая-то возня. Варя ещё вжималась в дно окопа, уткнувшись носом в заледеневшую глину, когда услышала над собой озорной юношеский голос:

– Вот и всё, а ты боялась, только юбочка помялась!

Подняв глаза, увидела пред собой молодого лейтенантика. Тот, усмехаясь, спросил:

– Недавно на фронте? Ничего, скоро привыкнете!

Он помог Варю подняться, стал отряхивать её, хлопая по шинели; слишком уж тщательно отряхивал девушку ниже спины. Ошалевшая от артобстрела Варя стояла как столб, хлопала длинными ресницами, разглядывая парня. Наконец, тот закончил и протянул ладонь:

– Лейтенант Заровнядный, – представился он и, улыбнувшись, добавил, – фамилие такое у меня – антересное. А имя – Евгений, для вас – Женя.

– Варвара, то есть Варя, – протянула она в ответ руку, зачем-то глупо добавив, – ефрейтор.

– Ну что ж, ефрейтор Варя, осваивайтесь, а меня труба зовёт, пора подвиг очередной совершить, – лейтенант рассмеялся, обнажив крепкие ровные зубы. – Земля круглая; может, свидимся!

Варя пробиралась по траншее, оглядывая раненых бойцов. Кто-то стонал, кто-то лежал без сознания. Но когда добралась до блиндажа командира роты, внутри всё оборвалось. Вокруг дымящихся руин суетились набежавшие солдаты, пытаясь вытащить из завала политрука. Изувеченное тело ротного лежало в сторонке с прикрытым фуражкой лицом. Вокруг валялось то, что осталось от блиндажа после прямого попадания снаряда: раскуроченные окровавленные брёвна, вперемешку с разодранными, истерзанными осколками телами – и всё это месиво пересыпано дымящейся землёй.

Варя тупо уставилась на какой-то предмет. Постепенно до неё дошло, что же она так внимательно рассматривает. Обрубок ноги! Он был довольно длинный, этот обрубок: ногу оторвало выше колена. Искромсанную плоть прикрывала штанина, но ни сапога, ни портянки не было. Варя долго смотрела на давно не стриженные ногти с чёрными полосками грязи и думала, что хозяину ноги должно быть стыдно за такие запущенные ногти. Потом вдруг спохватилась: «О чём это я?»

Пока она рассматривала обрубок, солдаты приносили тела убитых красноармейцев; не только из блиндажа – из других мест тоже. Их складывали рядом с погибшим командиром роты. Варя протиснулась меж стоящих с непокрытыми головами мужчин. Тут же, опираясь на плечо невысокого усатого солдата, стоял и вытасченный из завала политрук – он был цел, но сильно контужен. Варя взглянула вниз, на лежащие рядком безжизненные тела. Их было восемь, совсем молоденькие ребята. Дыхание стало частым, из глаз потекли слёзы, а пальцы правой руки вдруг сами сжались в щепотку и потянулись ко лбу, к животу, к плечу одному, затем к другому...

Дня через три вызвал Варю на разговор политрук. Долго и обстоятельно беседовал с ней за жизнь. Хорошие, добрые слова говорил. Варю эта душевная беседа нравилась. А потом политрук вдруг как бы невзначай поинтересовался:

– Ты ведь, наверное, из верующей семьи, Варя?

Девушка сразу насторожилась, немного помолчала, соображая – как лучше ответить.

– Ах, вот вы о чём! Да нет, вы неправильно поняли, – от волнения Варя часто дышала, груди под гимнастёркой подпрыгивали в такт дыханию. – Вы, наверное, заметили, как я там, у блиндажа перекрестилась? Ну, так это машинально, не нарком я.

– Ну-ну, – политрук улыбнулся, скользнув невольно взглядом по холмикам, что прятались за карманами гимнастёрки, попытался принять вид как можно более равнодушный. – Я это к тому, что негоже комсомолке религиозную пропаганду разводить... Но если ты это случайно, что ж...

– Случайно-случайно, – затараторила Варя, – больше не повторится, честное комсомольское!

Беседа с политруком не прошла даром. Варя твёрдо решила покончить с религиозными предрассудками. Оставшись одна, первым делом вытащила из кармана то, что прятала там всё это время: серую верёвочку с крестиком. Щёлкнули ножницы, и крестик соскользнул в ладонь. Варя недолго смотрела на него: «Прости, бабушка, так надо». И крестик полетел в коробку с мусором. «Хватит позориться! Здесь, на фронте – все и всё на виду. Нужно изжить, искоренить суеверия, а то выдумала, тоже мне – креститься перед всеми!» Верёвочка же вернулась в карман, на прежнее место. Для верёвочки она придумала новое предназначение.

Шла зима 1944-го, на их участке фронта под Витебском уже несколько недель не наблюдалось активных боевых действий. Для кого-то – затишье. Но и разведка, и снайпера работали без выходных. И Варя ходила на «работу» каждый день. С утра пораньше, пока темно, уходила она на позицию. Облачившись в маскхалат поверх тёплого бушлата, запасшись как следует провизией, пробиралась ближе к фрицам.

Позиция каждый раз выбиралась новая: то овражек на нейтральной полосе, то горелый остов подбитой «тридцатьчетвёрки», то облезлые кустики на пригорке. Охотясь на фрицев, старалась Варя выбрать добычу пожирнее – с офицерскими погонами. Часами лежала, не шелохнувшись, на снегу, ради долгожданного мига – когда в перекрестии прицела окажется подходящий экземпляр. Тогда она спокойно и аккуратно давила на курок. После этого немец обычно падал; изредка Варя мазала. Но в любом случае после единственного выстрела девушка пряталась и не высывалась уже до темноты, когда, наконец, становилось можно пробираться к своим.

Свои встречали тепло, радостно. Каждое возвращение – маленький праздник. Любой солдат готов был заботиться о красавице, но право такое присвоили офицеры. В тёплой землянке помогали девушке избавиться от тяжёлой амуниции; поили горячим чаем, иногда – и захваченным у немцев французским вином; кормили особенным образом, не жалея консервов «второй фронт» и трофейных деликатесов; расспрашивали о «работе», стараясь шуткой-прибауткой подбодрить Варю. Вечерами, готовясь ко сну, доставала Варя из кармана свою заветную серую верёвочку, пересчитывала на ней узелки – и, если день был удачный, завязывала ещё один.

Закончились февральские метели. Днём, медленно вытапливая первые проталины, робко пригревало солнышко. Словно очнувшись от зимней спячки, и наши, и немцы начали проявлять заметную активность. Чаше палили пушки, разведчики прощупывали оборону фрицев на наличие слабых мест. Для обнаружения замаскированных огневых точек противника тут и там проводили разведку боем, вновь потянулись в тыл пока ещё одиночные повозки с ранеными... Батальоны щедро, с запасом пополнялись новобранцами, чувствовалось – готовится крупное наступление.

А у Вари случилась беда – зуб заболел. Вроде пустяк по сравнению с той болью, что испытывают на войне тысячи людей ежесекундно. Сначала отшучивалась – мол, меньше шоколадок надо есть, но вскоре ей стало не до смеха. И дело тут даже не в самой боли, её всё ж, как-никак, можно терпеть; дело – в потере внимательности, а это для снайпера смерти подобно. Не давал ноющий зуб сконцентрироваться, отвлекал. И, разбитая бессонной ночью, Варя мазала мимо верной цели.

Через день, потеряв бдительность, выдала себя шевелением. Тут же засвистели вражьи пули, а чуть погодя и миномёт подключился. Несколько мин накрыли реденькие, припорошенные снегом кустики, в которых занимала позицию Варя. Мины рвались совсем рядом, осколки срезали ветки над головой. Странно – из-за болящего зуба Варя ни пуль, ни мин не боялась. Просто лежала и ждала развязки. Когда она это вдруг осознала – испугалась по-настоящему: «Так из-за какого-то зуба можно и жизни лишиться ни за что, ни про что!»

Чудом оставшись невредимой, следующим утром вместо передовой направилась Варя в тыл. Отыскав полковой госпиталь, разместившийся в неказистом одноэтажном деревянном здании сельской школы, долго ждала доктора.

Из класса, наспех переоборудованного в операционную, доносились стоны и крики раненого. Кто-то густым, с хрипотцой голосом спокойно произнёс:

– Да не сдерживайся ты, кричи, кричи – легче будет; можешь матом крыть.

В ответ слышала Варя такую тираду, что ладошки сами потянулись к ушам.

– Вот-вот, так держать, боец, – продолжал внушать невидимый обладатель спокойного голоса...

Наконец, вышел усталый человек в накинутах поперх формы некогда белом халате. Взрослый совсем, лет под сорок, смуглый, в очках – доктор. Из ноздрей и ушей торчали чёрные волоски. Обдав Варю кислым запахом табака, спросил:

– Вы ко мне? Что у вас?

– Зуб болит, – робко отозвалась Варя.

– Зуб? Ах, зу-у-уб! – удивился и, кажется, даже разозлился доктор. – Да, зуб – это проблема, конечно. Ладно. Только, девушка, вы уж простите, но стоматолога у нас нет!

– А таблетку? Может, что-нибудь обезболивающее?

– Спирт будете? – усмехнулся недобро врач. – Другого обезболивающего тут нет! Могу ещё папироску предложить, кому-то помогает. Курите?

Варя чуть всхлипнула, потом решительно посмотрела в глаза собеседнику.

– Вот что. Нечего издеваться надо мной. Я всё прекрасно понимаю. Вижу, что вам лечить некогда. Просто вырвите зуб, и делу конец!

Врач смерил девушку взглядом, чуть задержав его там, куда обычно пялятся все мужики. «Вот это экземплярчик, нечасто встретишь такой размер у молоденькой девушки!»

– Идёмте.

Он чуть ли не силой заставил Варю выпить полстакана разведённого спирта, а затем безжалостно выдрал кусачками указанный зуб. Позже захмелевшая Варя доказывала доктору:

– Вы поймите, я снайпер, а этот зуб мне житья не давал. Чуть жизни из-за него не лишилась...

– Ладно-ладно, чего там. Как зовут-то тебя, снайпер? – доктор скинул халат, обнажив на погонах майорские звёзды.

– Варя.

– Гиль. Гиль Давидович, – представился майор. Он по-отечески обнял прослезившуюся Варю. Погладив по спине, прижал, кажется, чуть сильнее, чем подобало случаю. – Не место девчонке на передовой. Ты вот что, может, ко мне в госпиталь переведёшься? Я начальник здесь. Подсоблю, поговорю с кем надо. Медсестрой пойдёшь?

Варя резко отстранилась:

– А кто фрицев бить будет? Там моё место.

– Фрицев и без тебя есть кому бить. А раненым тоже помощь нужна. Ладно, надумалась – обращайся... А мне пора.

Варя протянула майору руку, прощаясь.

– Спасибо вам, Гиль Давыдыч, уже не болит.

– Давидович, – поправил тот. – Ладно, если что – дорогу знаешь теперь.

Из коридора уже звала пожилая фельдшерица:

– Товарищ майор, «живот тяжёлый» привезли, оперировать надо!

Варя возвращалась из госпиталя чуть хмельная. Огибая раскисшие проталины, размышляла: «Вот, ещё один. Вроде как приличий не нарушил, по спинке погладил лишь. И к себе в госпиталь позвал. Мужчина! Заботится о девушке. Что ж такого?» Но по глазам видела, чув-

ствовала каким-то женским чувством: неспроста, конечно, звал, с дальним прицелом. «Э-эх, мужики-мужики! Что с вас взять?»

Варя представила на секунду себя с этим майором и содрогнулась от неприязни: старый, волосатый, прокуренный...

Сколько же мужчин подбивали к ней клинья с тех пор, как на фронте оказалась! Кто-то явно, чуть не прямым текстом отношения предлагал. Кто-то лишь намёком, взглядом. Ох, уж эти взгляды, обычно упиравшиеся, в конце концов, в её грудь! Ну крупная она – грудь эта, будь она не ладна – побольше чуток, чем у других девчонок, одни неловкости от неё! Но повода Варя ведь никому не давала, всем объявила, что у неё есть жених. А кто её жених: Егор, что воюет где-то далеко, или Василий, оставшийся там, в тылу? Она и сама теперь не понимала! А девичье сердце без любви томилось...

Спустя несколько дней устраивала Варя позицию. Заснеженная опушка леса, погружённая в предрассветные сумерки, навевала мрачные мысли. Обжившись на новом месте, Варя чуть расслабилась и тут же провалилась в дрему. Сквозь сон слышала, как скрипнул снег, но подумалось ей: «Мама по воду пошла».

Вдруг резкая боль пронзила Варину спину: чьё-то колено вдавило её в утрамбованный снег. Рот плотно зажала широкая ладонь.

– Хенде хох! – приказал зловецим шёпотом противник.

Варя скрючилась от боли, сверху же ещё настойчивей шипели:

– Хенде хох!

Сквозь сжимавшую губы ладонь, Варя еле слышно процедила:

– Да какое там «хенде хох», я и пошевелиться-то не могу.

Тут же противник перевернул девушку лицом вверх. Сквозь сумерки они несколько мгновений вглядывались друг в дружку. Наконец сверху раздался знакомый голос:

– А, так это ты, ефрейтор Варя! Говорил же – земля круглая. Встретились!

– Заровнядный?! Жень?! Ты здесь откуда? – Варя и подумать не могла, что так обрадуется этой встрече.

– Не ждала? То-то же. А я – вот он. На то мы и разведка. С той стороны идём; глянь, какого гуся подловили.

Только тут Варя посмотрела на спутников лейтенанта. Среди них выделялся один, явно не наш – ошалевший, злой и одновременно напуганный. На него и кивнул Заровнядный:

– Немец. Важная шишка. Майор.

Разведчики поволокли «языка» в сторону наших окопов, а лейтенант, чуть задержавшись, пообещал вечером зайти в гости.

Вернувшись с позиции, Варя тщательно, насколько позволяли условия, отмылась, переоделась в чистое, прихорошилась и стала ждать. И гость явился, да не тот. А прибыл к ней – до блеска выбритый, отутюженный, в надраенных яловых сапогах – Гиль Давидович, госпитальный начальник. Чистые сапоги майора особо бросались в глаза, учитывая, что блиндаж окружала непролазная грязь. Собравшимся в землянке офицерам он, выставляя гостинцы, как бы шутя, объявил:

– Пришёл вашу красавицу к себе в госпиталь переманивать.

– Ну-ну, – не шибко радуясь, отвечали фронтовики, – посмотрим.

Спирт, принесённый майором, отодвинули в сторонку. В центре стола появилась трофейная бутылка шнапса. А вот от копчёного сала никто отказываться не стал – тушёнка давно приелась. Варя в который раз с тяжёлым вздохом вспомнила голодные месяцы в тылу, на заводе, обычный обед: пара ложек гнилой картошки с кусочком селёдки весом 37 грамм, да вечно урчащий желудок. «Конечно, с питанием на фронте получше, но и стоит оно дорого – кто-то и жизнью оплатил».

Вялая беседа постепенно, пропорционально выпитому, оживала. А Варя тревожилась: «Что ж Заровнядный не идёт?» Скрипела по единственной пластинке игла, неизвестный певец выводил на чужом языке оперные арии. Подняв тост: «За здоровье вождя народов!», майор осушил очередной стакан. А после изрядно захмелевшим голосом изрёк:

– Теперь, товарищи, прошу прощения, но, с вашего разрешения, у меня к Варе разговор конфиденциальный имеется.

Сквозь показное преувеличенно-недовольное бурчание офицеров, провёл майор-медик девушку к выходу.

– Вы только далече-то не ходите. За «языками» не только наши разведчики ползать умеют. Диверсанты лютуют, – напутствовали их.

Весна ещё лишь робко пыталась заявить о своих правах, поэтому к ночи вновь подморозило. Комья грязи затвердели, и пара смогла пройти к опушке леса, не испачкав в темноте обувь. В лесу лежал снег, чёрные деревья тянули ввысь лапы. Майор развернулся к Варе:

– Ну что, товарищ ефрейтор, поразмышляла над моим предложением?

– Нет, – честно ответила Варя. – Даже и не думала.

– Как же так? – майор, тяжело дыша, придвинулся вплотную. – Надо подумать. Прямо сейчас.

Варя, шагнув назад, споткнулась. Майор поддержал её, крепко взяв за плечи, и уже не отпускал.

– Товарищ майор!

– Гиль, просто Гиль.

– Пустите!

– Только если согласишься.

Варя вновь дёрнулась. Но майор, вцепившись намертво, придвинулся ближе. Варя ощутила его горячее дыхание и увидела волоски, торчащие из носа.

– Нет! Не соглашусь!

– Что ж ты? Как же? Я для тебя хорошее местечко припас. С начальством договорился; знаешь, какие у меня связи? Будешь как сыр в масле... – он говорил быстро-быстро, руки пошли по спине девушки вниз, губы коснулись её щеки. Варя пыталась вырваться.

– Пусти! А ну, пусти, кому говорят! У меня жених есть!

– Ты ж умная девушка. И красивая. Думаешь, тебе вечно везти будет? Тебя ж здесь в любую минуту убить могут. Смерть не красит, поверь мне, – его губы больно впились в Варин рот.

Тут девушка, наконец, высвободив левую руку, что есть мочи врезала по майорской физиономии. От неожиданной оплеухи его хватка ослабла. Варя вырвалась, отскочила. Гиль Давидович стоял сам не свой, щека горела. Ошарашенно глядел он то на Варино лицо, которое только что целовал, то на руку, так больно его ударившую.

– Вы с ума сошли! Нельзя так! – наконец сказала она.

– Ну, ладно, хватит, успокойся, всё позади...

Бросив гневный взгляд, девушка убежала. А майор направился в свой госпиталь. Он всё потирал щёку, повторяя тихонько:

– Ты всё равно будешь моей, только моей. Никому не достанешься. Не отдам тебя...

Варя вернулась с опушки, её трясло. В землянку она не пошла. Села чуть в сторонке на пустой деревянный ящик из-под патронов. Чуть поодаль в темноте маячил силуэт часового. Из землянки доносилось негромкое пение. Офицеры хором заунывно тянули:

...Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,

Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось...

«Что, если пожаловаться на этого негодяя?» – злилась Варя. – «Как его накажут?»

...Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи

Вот и теперь надо мною она кружится...

Мимо проходил патруль. Знакомый старлей бросил на ходу:

– Чего скупаешь тут, Варя?

– Воздухом дышу, – невразумительно ответила она.

Патруль скрылся в ночи, девушка постепенно пришла в себя. Теперь она дрожала, но уже не от гнева, а лишь от холода. Подумывала вернуться в тёплую землянку, как вдруг что-то неожиданно упало ей на плечи. Варя испуганно встрепенулась, но рядом с ней плюхнулся Заровнядный в одной гимнастёрке (его бушлат уже согрел девушку). Лейтенант, широко улыбаясь Варю, тихонько подпел нестройному хору:

– *И поэтому, знаю, со мной ничего не случится!*

– Красивая песня, – улыбнулась в ответ Варя.

– И фильм хороший! «Два бойца», смотрела?

– Да, очень...

Лейтенант обнял Варю, та потеряла голову – и вскоре обнаружила, что целуется с Заровнядным. Ворох разных мыслей тут же накрыл её, но все мысли она сразу же прогнала. Ей было так хорошо, как никогда прежде, а любая мысль могла всё испортить.

Он повёл её на ту же опушку, но на сей раз было всё по-другому. Варя не могла толком соображать. Целуясь и обнимая лейтенанта, лишь шептала:

– Женя, Женечка, ну, одень бушлат, замёрзнешь ведь.

– Я горячий, не замёрзну, – шептал распалённый разведчик.

Он прижал её крепко; так, что в груди заныло. Затем резко развернул Варю и, заставив привалиться на поломанный ствол, начал задира́ть юбку. В этот самый неподходящий момент чуть в стороне от них хрустнул сучок. Любовники остановились, прислушиваясь, тяжело дыша, но тишина ничем не нарушалась. Они продолжили. Варю очень некстати казалось, что за ними кто-то наблюдает из темноты. Горя страстью, она гнала прочь эти нелепые мысли... Вскоре она забыла обо всём на свете.

Слёзы ненависти текли по щекам. Гиль Давидович плакал беззвучно, стараясь не выдать себя; лишь однажды сучок под ногой хрустнул...

Так влюбилась Варя в разведчика Женьку. Лейтенант Заровнядный хоть и слыл бойцом лихим, бесшабашным, но чувства к девушке испытывал настоящие. Втюрился, как мальчишка, хоть виду старался и не показывать. Стали встречаться каждый вечер. Называл он её теперь ласково – Варюшка, она его – Женечка. Гуляли, по углам не прячась, отношений не скрывали. И были те вечера самыми счастливыми в Вариной жизни – последняя неделя перед большим наступлением. А в понедельник началось!

Полк вместе со всей дивизией ринулся вперёд, но вскоре увяз в болотах. Кровопролитные бои выматывали до предела. Фрицы дрались ожесточённо, как звери. А подкреплений наши не присылали. Задача полка – взять железнодорожный узел – становилась всё призрачней. Конечно, не ведали тогда Варины сослуживцы, что наступление целой дивизии – лишь отвлекающий манёвр, призванный оттянуть неприятельские силы от направления главного удара. Вся их дивизия была лишь пешкой на большой шахматной доске. Пешкой, которой жертвуют.

Через пару дней жесточайших боёв, в ходе которых от станции остались лишь груды дымящегося кирпича да тонны раскуроченных рельсов, немцы перегруппировались, подтянули резервы и вдарили так, что дивизия зашаталась. Теперь уже наши оборонялись, и оборона эта трещала по швам. Солдаты, прижатые в окопах вражеским шквальным огнём, не понимали: «Как же так?! Не 41-й на дворе, везде наши фрица гонят! А тут...»

Варя рыскала по пылающим окопам меж прокопчённых обороняющихся бойцов, постоянно ища среди хаоса взрывов и канонад новые позиции для выстрелов. Само собой, её боевая норма – один выстрел в день – осталась в прошлом. С рассвета охотилась девушка-снайпер на немецких офицеров, отдающих приказы; а ещё на тех солдат кто посмелей, кто первым встаёт

в атаку, первым бежит к нашим окопам. Эти первые – наиболее опасны, ведут за собой остальных, и уничтожать их так и нужно – в первую очередь. Варя эту науку усвоила твёрдо. А ещё она знала: несколько правильно расставленных снайперов, выбивая командиров и наиболее активных бойцов, способны остановить наступление целого батальона.

В пылу боя она не сразу обратила внимание на лёгкое ранение. Шальной осколок царапнул кисть левой руки. Девушка, не чувствуя боли, пыталась стрелять. Но кровь лила так, что винтовка от затвора до кончика приклада запачкалась, стала липкой. Варя позволила сердобольному солдату с густыми седыми усами перевязать рану. Обмотанной тряпицей кистью невозможно стало пошевелить. Кроваво-грязная тряпица набухла. Тогда тот же усатый дядька перетянул Варину руку тонким ремешком, выдернутым из галифе, лежащего рядом, убитого красноармейца. Лишь поздно вечером, когда стемнело и, наконец, обозначилась небольшая передышка, отправили Варю с другими ранеными к медикам в тыл. Как не хотела она уходить с передовой! Как не хотела встретить в тылу майора! Но приказ есть приказ.

* * *

Переполненный госпиталь приветствовал стонами, криками. Запахи лекарств, крови и гнили шибанули в нос. Варя устроилась в сторонке ждать своей очереди. Пропуская вперёд по-настоящему раненых, думала: «У меня лишь царапина, повезло. Ребята вон как страдают. Подожду, не страшно». Между делом сменили повязку: помазали пахучей мазью рану и перемотали кисть старым стираным бинтом. Измотанная Варя, приткнувшись в коридоре к стене, провалилась в дёргано-дурной сон.

Лишь к полудню дождалась. Зашла в кабинет, давно уже зная – кто в нём. Робко молвила:

– Здравия желаю, товарищ майор.

Он резко оторвал взгляд от тетради с записями.

– Варя! – на мгновение усталые глаза его вспыхнули, он встрепенулся, но тут же взял себя в руки. Подойдя к девушке, Гиль Давидович начал осматривать разбухшую рану. Выглядел он крайне измотанным и совсем безразличным. Девушка взвизгнула от резкой боли, когда майор бесцеремонно ощупывал кисть.

– Что ж, ясно, – буркнул под нос, затем изрёк что-то на латыни и, обращаясь к пожилой медсестре, добавил, – сделайте больной общую анестезию.

– Так нечем, – промычала та.

– Давайте-давайте, вколите девушке из НЗ. Так и быть. И готовьте к ампутации, а я пока следующего осматриваю.

Майор вышел. До Вари не сразу дошло, о чём он.

– Какая там ещё ампутация? – спросила у женщины, усердно трущей спиртом её спину. Та, подняв мутные от недосыпа глаза, бросила:

– Гангрена у тебя, милочка. Нельзя по-другому, иначе заражение дальше пойдёт, помрёшь. Ложись вот сюда, на кушеточку.

– Что-о-о? Из-за этой царапины? С ума вы здесь все походили!

Медсестра небрежно вколола лекарство и, направляясь к выходу, ответила:

– Доктору виднее. Скажи спасибо за наркоз, дефицит, не каждому полагается.

Варя пыталась подняться, хотела бежать, жаловаться кому-то. Но всё вокруг вдруг поплыло, ноги отказались слушаться. Перед тем как вырубиться, взглянула она на опухшую раненую кисть в последний раз.

Открыла глаза – и... О, чудо! Лицо любимого перед ней. Женька. Её Женька! Она попыталась улыбнуться, подумала: «Надо же, какой кошмар приснился!» Хотела сказать это вслух, но язык, словно налитый свинцом, плохо слушался. Вышло невнятное бормотанье.

Заровнядный, грустно улыбнувшись, поднёс указательный палец к её иссохшим губам.

– Тише, Варюшка, тише, – шептал он в полумраке палаты. – Люди отдыхают, не буди. Да и не нужно тебе напрягаться. Ты отдохни лучше, поспи ещё, вся ночь впереди.

Он поднёс мягкую жестяную кружку, и пока Варя пила, до неё дошло: кошмар не при-
снился, кисть отрезана. Глаза стали влажными. Сознание не до конца освободилось от наркоза,
и боль пока дремала. Но Варя понимала: она в госпитале, она калека, она больше не снайпер.
Собрав силы, попыталась приподняться и вымолвила с трудом:

– Женечка, а ты откуда?

– Да всё оттуда же, с передовой, – он мягко уложил её поудобнее на подушке, улыбнулся
(на сей раз не грустно, а как-то зло). – Ты спроси лучше – куда?

Она не успела открыть рот, как его указательный палец вновь коснулся её губ.

– Тише, тише. Посылают нас на прогулку по вражеским тылам. Далеко, несколько дней
проходим. Задание опасное, – лейтенант замолчал, собираясь с мыслями.

Тревога отразилась в Вариных глазах. Заровнядный морщил лоб, решаясь. Наконец
зашептал:

– Так вот, Варюшка! Я тебя люблю. Да, тебя ранили. Сейчас война. Ничего. Главное –
жива. В общем... Ты, это... Выходи за меня!

Глаза Вари расширились, заморгали. Она не могла вымолвить ни звука. По щекам текли
слёзы.

– Ничего-ничего! Вернусь с задания, и сразу разрешение у командования попросим,
пусть распишут... Ты как? Согласна?

Варя быстро закивала, словно боясь, что Заровнядный передумает.

– Вот и славно, Варюшка! Ну, мне пора, – лейтенант погладил невесту по волосам, а
затем прильнул к её губам. Поцелуй, конечно, не получился. Варины губы онемели; наверное,
от наркоза. Да и не до поцелуев ей было в тот момент. Тогда Заровнядный, порывшись во
внутреннем кармане гимнастёрки, выудил небольшой свёрточек – в клетчатой льняной ткани
было что-то.

– Это тебе. На счастье, Варюшка. Береги его, и будет всё у нас хорошо, – он сунул в её
ладонку свёрточек. – До скорого!

Варя проводила любимого взглядом и перевернулась на бок, лицом к белёной стене. Руку
со свёрточком она сунула под подушку и тут же крепко уснула. Ей снился завод: грохочущие
станки, рабочие в очереди за похлёбкой и коммутатор на телефонке. И руки, её руки – краси-
вые, быстрые, ловкие. Руки, соединяющие заводских абонентов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.